

Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Е. Г. Старкова

Городище
Немиров
на реке
Южный Буг

Приложения

**К. Б. Калинина,
А. Закосьцельна,
М. Кершнер и Х. Моммзен,
С. В. Хаврин**

THE STATE HERMITAGE MUSEUM ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**THE STATE HERMITAGE MUSEUM
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

G. I. Smirnova, M. Ju. Vakhtina, M. T. Kashuba, E. G. Starkova

Nemirov Hill Fort on South Bug River

**According the excavation materials of the 20th century from collections
of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS**

With the Supplements by
K. B. Kalinina, A. Zakościelna, M. Kerschner and H. Mommsen, S. V. Khavrin

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова

Городище Немиров на реке Южный Буг

По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа
и Научного архива ИИМК РАН

Приложения:

К. Б. Калинина, А. Закошьцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С. В. Хаврин

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-01-16507-ОГН, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Authorized for publication by the Academic Board of the Institute for the History of Material Culture RAS

Ответственные редакторы:

Chief editors:

д. и. н. А. Ю. Алексеев, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Ю. А. Виноградов

Dr. hab. A. Ju. Alekseev, Ju. Ju. Piotrovsky, Dr. hab. Ju. A. Vinogradov

Рецензенты:

В. С. Бочкарёв, д. и. н. И. В. Палагуца

Prepublication reviews by V. S. Bochkarev, Dr. hab. I. V. Palaguta

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.

(Приложения: Калинина К. Б., Закошьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.)

Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. — Санкт-Петербург: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. — 336 с. : ил.

Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.

(With the Supplements by Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V.)

Nemirov Hill Fort on South Bug River. According the excavation materials of the 20th century from collections of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS. — St. Petersburg: The State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture RAS; Neva Book Printing House, 2018. — 336 p. : fig.

ISBN 978-5-9909872-2-7

doi.org/10.31600/978-5-9909872-2-7

Коллективная монография посвящена известному археологическому памятнику — Немировскому городищу на Южном Буге. Основу исследования составили данные, полученные при раскопках городища в XX в. и хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН, архиве и коллекциях фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Рассмотрена история изучения памятника С. С. Гамченко (1909 г.), А. А. Спицыным (1910 г.) и М. И. Артамоновым (1946–1948 гг.). Подробно освещены два периода заселения территории городища: в энеолите (трипольская культура) и в раннем железном веке (раннескифская культура). Показано значение городища в раннем железном веке, когда в его материальной культуре отложились западный гальштаттский (в широком значении этого термина) импульс и ранние контакты с греками. Предложена общая схема развития материальной культуры Немировского городища в разные исторические эпохи — от энеолита до новейшего времени. Книга состоит из шести глав и девяти приложений, которые включают каталоги индивидуальных находок трипольской культуры, каталог греческой архаической керамики, а также результаты естественнонаучных анализов керамики трипольской культуры, восточногреческой керамики и поверхности ручки бронзового зеркала. Многие архивные материалы и находки из коллекций впервые вводятся в научный оборот.

Издание предназначено для археологов, историков, специалистов в смежных областях науки, студентов и всех, интересующихся археологией и древней историей Северного Причерноморья и Европы.

The collective monograph is devoted to the famous archaeological site – Nemirov hill-fort on South Bug. At the basis of investigation are the materials from the excavations of the settlement in the 20th century kept in Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS, Archive and collection funds of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg). The book reviews the history of the excavation of the site by S. S. Gamchenko (1909), A. A. Spitzyn (1910), and M. I. Artamonov (1946–1948). The book gives a detailed account of two periods of the occupation of the settlement: in Eneolithic time (Trypillia culture) and Early Iron Age (Scythian culture). The authors showed the significance of the hill-fort in the Early Iron Age, when two impulses reflected in its culture — Hallstatt (in the broad meaning of the term) and early contacts with the Greeks. The general scheme of development of the material culture of the hill-fort in different historical periods — from Eneolithic time till modern epoch — has been suggested. The book consists of the six parts and nine supplements, which include the catalogues of individual finds of Trypillia culture, Greek Archaic pottery and the results of natural-scientific analyses of Trypillia pottery, East-Greek pottery and of the surface of the bronze mirror handle. A lot of archive materials and finds kept in collections are published for the first time.

The book is destined to archaeologists, historians, specialists in related sciences, students and all interested in archaeology and history of the ancient Northern Black Sea and Europe.

© Государственный Эрмитаж, 2018
The State Hermitage Museum, 2018

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Невская книжная типография, 2018
Neva Book Printing House, 2018

© Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.,
Калинина К. Б., Закошьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В., 2018
Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.,
Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V., 2018

Содержание

Предисловие	11
Введение	13
ГЛАВА 1. Немировское городище в работах ученых XX — начала XXI в.	17
1.1. История изучения	17
1.2. Формирование коллекций	44
ГЛАВА 2. Немировское городище как археологический памятник (<i>Г. И. Смирнова</i> , <i>М. Т. Кашуба</i>)	45
2.1. Общая характеристика	45
2.2. Оборонительные сооружения — общие сведения	50
2.3. Состояние источников: полевая и архивная документация	54
2.4. Культурно-хронологические горизонты	70
2.5. О методике работы с материалами	71
ГЛАВА 3. Материальный комплекс Немировского городища в энеолите (трипольская культура) (<i>Е. Г. Старкова</i>)	75
3.1. История исследований, планиграфия	75
3.2. Керамический комплекс	76
3.3. Антропоморфная пластика	110
3.4. Зооморфная пластика	124
3.5. Изделия из глины	130
3.6. Выводы	135
ГЛАВА 4. Материальный комплекс Немировского городища в раннем железном веке (<i>Г. И. Смирнова</i> , <i>М. Т. Кашуба</i>)	137
4.1. Особенности материальной культуры	137
4.2. История формирования коллекции	137
4.3. Изучение коллекции: что остается и что меняется	143
4.4. Объекты и комплексы	145
4.5. Общая характеристика керамического комплекса	168
4.6. Характеристика отдельных категорий находок	180
4.7. Проблема происхождения местной чернолощеной посуды	184
4.8. Некоторые итоги и задачи	192
ГЛАВА 5. Греческая керамика из раскопок Немировского городища (<i>М. Ю. Вахтина</i>)	193
5.1. О формировании и истории изучения коллекции	193
5.2. Общая характеристика материалов	195
5.3. Категории греческой керамики из раскопок Немировского городища	195
5.4. О датах и топографии находок греческой керамики	212
5.5. Место коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища среди синхронных находок античного керамического импорта на других памятниках лесостепи	212
5.6. Находки греческой керамики на Немировском городище в контексте проблемы ранних связей между греческим миром и варварскими центрами Северного Причерноморья	214
5.7. Заключение	221
ГЛАВА 6. Периодизация и хронология Немировского городища в раннем железном веке (<i>Г. И. Смирнова</i> , <i>М. Т. Кашуба</i> , <i>М. Ю. Вахтина</i>)	223
6.1. Периодизация и хронология согласно Г. И. Смирновой	223
6.2. Возможности керамического комплекса для построения периодизации	224
6.3. Хронологические индикаторы	228
6.4. Стратиграфические наблюдения	228
6.5. Обновленная периодизация	231
6.6. Значение и место Немировского городища в раннем железном веке	231
Заключение	234

Послесловие (Г. И. Смирнова)	237
Приложение 1. Исследование материалов и техники росписи керамики трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (К. Б. Калинина)	238
Приложение 2. Антропоморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	250
Приложение 3. Зооморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	254
Приложение 4. Изделия из глины трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	257
Приложение 5. Кремневый и каменный инвентарь трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (А. Закозьцельна) ..	259
Приложение 6. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа, каталог находок (М. Ю. Вахтина)	276
Приложение 7. Археометрические анализы импортной архаической восточногреческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государственного Эрмитажа (М. Кершнер, Х. Моммзен, перевод М. Ю. Вахтиной)	305
Приложение 8. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа поверхности ручки бронзового зеркала из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (С. В. Хаврин)	312
Приложение 9. К вопросу культурной атрибуции открытых на Немировском городище погребений (Г. И. Смирнова).....	313
Литература и архивные материалы	318
Список сокращений	331
Summary	333

Contents

Preface	11
Introduction	13
CHAPTER 1. Nemirovo hill-fort in the works of scholars of 20 th – beginning of 21 st century	17
1.1. The history of investigation	17
1.2. On the forming of collections	44
CHAPTER 2. Nemirovo hill-fort as an archaeological object (<i>G. I. Smirnova</i> , <i>M. T. Kashuba</i>)	45
2.1. General description	45
2.2. Defensive installations – the general data	50
2.3. The state of sources: field and archive documentation	54
2.4. Cultural and chronological levels.....	70
2.5. On the methods of working at the material	71
CHAPTER 3. Material complex of Nemirovo in the Eneolithic period (Trypillian culture) (<i>E. G. Starkova</i>).....	75
3.1. The history of research	75
3.2. Pottery complex	76
3.3. Antropomorphic plastic arts	110
3.4. Zoomorphic plastic arts	124
3.5. Clay products	130
3.6. Conclusions	135
CHAPTER 4. Material complex of Nemirovo in the Early Iron Age (<i>G. I. Smirnova</i> , <i>M. T. Kashuba</i>)	137
4.1. The peculiarities of the local culture.....	137
4.2. The history of collection forming	137
4.3. The study of the collection: what remains and what changes	143
4.4. Objects and complexes	145
4.5. General characteristics of the pottery complex.....	168
4.6. Characteristics of the individual categories of finds	180
4.7. The problem of origin of the local black-glossed pottery	184
4.8. Some results and tasks.....	192
CHAPTER 5. Greek pottery from the excavations of Nemirovo (<i>M. Ju. Vakhtina</i>)	193
5.1. On the forming and the history of examination of pottery collection.....	193
5.2. General characteristics of materials.....	195
5.3. Categories of Greek pottery from the excavations of Nemirovo hill-fort	195
5.4. On the dating and topography of the Greek pottery finds	212
5.5. The place of Greek pottery collection from the excavations of Nemirovo hill-fort among the synchronic finds of Greek pottery imports from the other sites of the forest-steppe zone	212
5.6. Greek pottery finds of Nemirovo hill-fort in the context of a problem of the early interactions between the Greek world and the barbarian sites of the Northern Black Sea Coast.....	214
5.7. Conclusions	221
CHAPTER 6. Periodization and chronology of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age (<i>G. I. Smirnova</i> , <i>M. T. Kashuba</i> , <i>M. Ju. Vakhtina</i>)	223
6.1. Periodization and chronology according G. I. Smirnova	223
6.2. Recourses of the pottery complex to chronological elaboration	224
6.3. Chronological indicators	228
6.4. Stratigraphy observations	228
6.5. The periodization renewed	231
6.6. The meaning and the place of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age	231
Conclusions	234

Afterword (<i>G. I. Smirnova</i>)	237
Supplement 1. The examination of materials and technique of painting ceramics of the Trypillia culture painted pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>K. B. Kalinina</i>)	238
Supplement 2. Antropomorphic plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)	250
Supplement 3. Zoomorphic plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)	254
Supplement 4. Clay products of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>E. G. Starkova</i>)	257
Supplement 5. Flinty and stone inventory of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>A. Zakościelna</i>)	259
Supplement 6. Greek Archaic pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum. Catalogue of the finds (<i>M. Ju. Vakhtina</i>)	276
Supplement 7. Archaeometric analyses of imports of Archaic East Greek Pottery found at Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>M. Kerschner, H. Mommsen</i> , translation by <i>M. Ju. Vakhtina</i>)	305
Supplement 8. The results of X-ray fluorescence analysis of the surface of the bronze handle from the excavations of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum (<i>S. V. Khavrin</i>)	312
Supplement 9. Burials discovered at the territory of Nemirovo hill-fort (<i>G. I. Smirnova</i>)	313
Bibliography and Sources	318
Abbreviations	331
Summary	333

ГЛАВА 2. Немировское городище как археологический памятник

2.1. Общая характеристика

Городище расположено на крутом склоне плато и прилегающем к нему низменном участке (рис. 43). Вал и ров образуют замкнутую ограду общей протяженностью внешнего вала от 4,5 до 5,5 км. Высота его достигает

9 м, а ширина — 32 м. Общая площадь городища свыше 100 га (рис. 44; 45). Вал и ров, окружающие городище, в нескольких местах прерываются речкой Миркой и ручьями, текущими через его территорию. Самые широкие разрывы в валу (южный и северный) являлись входами. Почти в центре

Рис. 43. Немировское городище. Космоснимок, © Google. 1 — центральная часть «Замчиско»; 2 — общий вид

Рис. 44. Немировское городище. Вид с юго-запада на внешний вал, аэрофотосъемка. Фотограф Татьяна Веселова, Лаборатория актуального творчества, г. Винница, Украина (публикуется впервые)

огражденной большими валами площади, на высоком северном берегу, находилось внутреннее укрепление — «Замчиско». Оно также обнесено валом и рвом, но меньшей величины. Его площадь определяется по-разному: от 6,9 до 12,5 га. Согласно имеющимся наблюдениям, в древности только эта внутренняя укрепленная часть городища была заселена и имела довольно мощный культурный слой. На остальном пространстве, обведенном внешней оградой, культурные остатки встречаются в незначительном количестве. Считается, что оно использовалось лишь как убежище для окрестного населения и его скота в моменты военной опасности.

Общее описание Немировского городища в увязке с топографией местности подробно представлено в работах М. И. Артамонова, вышедших из печати через много лет после раскопок этого памятника (Артамонов 1974: 94–95; 1998: 59–76, рис. 1). В свое время М. И. Артамонов написал очерк «Археологические памятники Южной Подолии (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1946 г.)» объемом в 98 страниц, оставшийся при жизни автора неопубликованным. В этом

очерке имелся весьма ценный раздел, посвященный «изучению полевых записей и отчетов С. С. Гамченко и А. А. Спицына и сравнительному анализу их данных с наблюдениями, сделанными во время археологических исследований 1946 г.» (см. Смирнова 1998б: 58). Этот раздел рукописи был подготовлен Г. И. Смирновой к печати, при этом сам текст М. И. Артамонова оставлен без сокращений, но был дополнен отдельными чертежами и схемами. Как справедливо отметила Г. И. Смирнова:

«работа М. И. Артамонова, безусловно, заслуживает внимания, поскольку содержит полный учет и блестящий анализ полевой информации и наблюдений первых исследователей Немировского городища. <...> как исследователь М. И. Артамонов предстает перед нами с мало известной стороны, а именно, как скрупулезный и тонкий интерпретатор первых археологических источников, какой служит полевая документация» (Там же).

Принимая во внимание, что в XX в. основные раскопки на Немирове проводились под руководством М. И. Артамонова, а его мате-

Рис. 45. Немировское городище, вид с юга, въезд, аэрофотосъемка. Фотограф Татьяна Веселова, Лаборатория актуального творчества, г. Винница, Украина (публикуется впервые)

риалы всегда учитывались, оставаясь по сути неопубликованными, в настоящую главу включены выдержки из текста М. И. Артамонова⁴. Проведенный им анализ полевой документации дореволюционных раскопок рассмотрен ниже, здесь приведем описание памятника:

«Городище <...> представляет собою мощную защитную ограду (вал до 9 м высотой и соответствующий ров) почти 5 км по периметру, располагающуюся на обоих берегах небольшой речки без определенного имени, которую Гамчен-

ко называет Городницей, а другие Мирской, ограда образует фигуру овала с длинной частью (В-З) в 1,5 км и короткой (С-Ю) несколько больше 1 км. Речка в этом месте протекает с запада на восток и делит площадь городища на две неравные части – северную и южную. Северная часть составляет около 2/3 всей площади городища, и южная – несколько более трети. Поверхность южной части городища полого сужается к речке, лишь местами в восточном углу образуя невысокие бугры. Три болотистыми ложбинами, перпендикулярными к долине речки, она делится на четыре участка. Северный берег речки наоборот высокий, крутой и обрывистый, особенно

⁴ Нумерация рисунков, на которые ссылается М. И. Артамонов, дается согласно общей нумерации иллюстраций в настоящей книге, также единообразно оформлена цитируемая им литература.

в высокой своей части. Основу его до половины высоты составляют выходы гнейса-гранита, который только отдельными скалами выступает на поверхность в южной части городища. Северная часть городища двумя оврагами делится на три участка. Восточный овраг расположен почти перпендикулярно к речке и имеет довольно пологие склоны. При соединении с речкой он заканчивается скалистым обрывом. Западный овраг, представляющий собою долину ручья Соловницы, извилистый: недалеко от впадения в речку Городницу он круто поворачивает на запад, образуя у среднего отдела северной части городища соответствующий выступ, довольно полого спускающийся к устью этого оврага. Берега западного оврага крутые, обрывистые.

Вал, окружающий городище, в нескольких местах прерывается. Самые широкие перерывы в нем соответствуют входу и выходу пересекающей городище речки. Более узкие перерывы в валу имеются в северном и южном его отрезках для пропуска вышеуказанных ручьев и оврагов, а также, видимо, для входа и въезда в городище. Таких перерывов по четыре в южной и северной частях ограды.

Высота вала на всем его протяжении не одинаковая, местами он выше, а местами ниже, причем мощность ограды явно соответствует условиям местности – большей или меньшей доступности вала с внешней стороны. Всего ниже вал в южной своей части, где снаружи к нему примыкает болотистая низина. Соответственно с этим и ров то глубокий и широкий, то совершенно сходит на нет. Высота вала от 4,5 до 12 м, глубина рва от 4 до 6 м, ширина основания вала от 20 до 30 м, ширина вала по гребню около 2 м, верхняя ширина рва 12-15 м, а ширина его по заплывшему дну 6-10 м. Валы сохранили круглые склоны, снаружи непосредственно переходящие в склоны рва. Гребень вала закругленный. Концы валов у перерывов отличаются закругленностью в очертаниях и большой крутизной поперечного склона. Ширина перерывов от 60 м (в местах пропуска речки) до 10 м. Нет сомнения, что перерывы в валу заграждались какими-то, скорее всего, деревянными сооружениями. Впрочем, никаких следов их на месте перерывов

и примыкающих к ним концов валов в настоящее время не заметно.

Почти в центре огражденной описанным валом площади, на высоком северном берегу речки находится особое внутреннее укрепление, которое носит название "Замчиско". Оно помещается на наиболее возвышенной части плато, выделенного указанными выше восточным и западным оврагами, и с севера ограждено валом и рвом. Вал прослеживается там же по восточной и западной сторонам "Замчиско", однако, основную защиту здесь составляли искусственно срезанные склоны оврагов, земля с которых была использована для повышения уровня площади городища. Ров с северной стороны "Замчиско" весьма солидный: ширина его достигает 6,5 м, а глубина в современном заплывшем состоянии 3 м. Своими концами он открывается в склоны восточного и западного оврагов. Зато сопровождающий его вал не велик, его высота не превосходит 2 м. С восточной и западной сторон вал еще меньше и в южной части вообще сходит на нет, хотя с запада он первоначально, по-видимому, проходил вдоль всего городища, отделяя его от юго-западного выступа плато, понижающегося к устью ручья Соловницы. Склон этой части плато представляет наиболее легкий доступ к городищу, по нему и в настоящее время проходит дорога и, вероятно, в древности шел главный вход в городище. Другой вход в городище находился в середине северной стороны, где в валу имеется перерыв, а во рву соответствующая перемычка.

Длина внутреннего укрепления или "Замчиско" (С-Ю) около 300 м, а ширина от 200 до 230 м. Только эта внутренняя укрепленная часть Немировского городища была в древности заселена и имеет довольно мощный культурный слой. На остальной огромной площади, обведенной внешней оградой, культурные остатки встречаются спорадически и в незначительном количестве. Она, по-видимому, постоянного населения не имела и использовалась для хозяйственных надобностей жителями "Замчиско", а главное – представляла убежище для окрестного населения и его скота в моменты военной опасности.

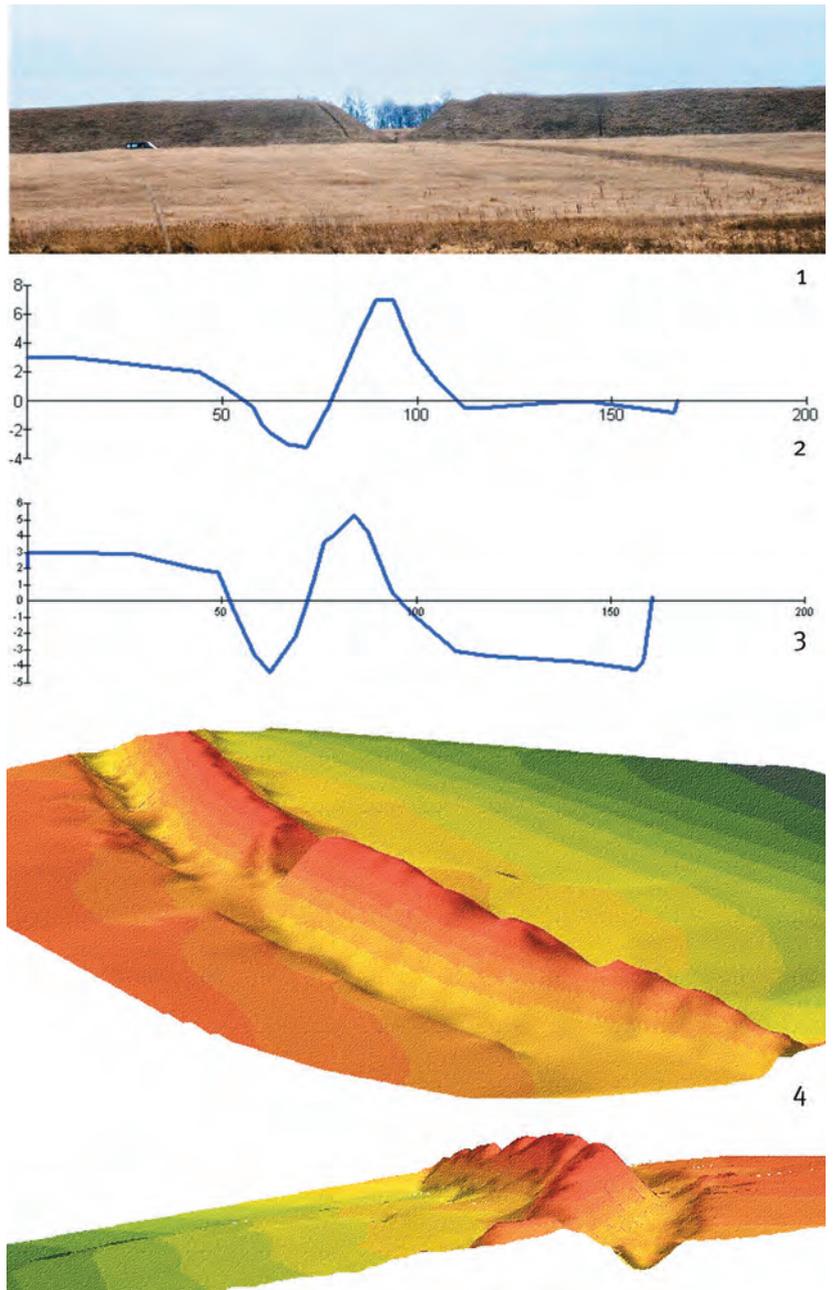
По сведениям С. Гамченко, площадь городища стала распахиваться только

в сороковых годах прошлого века. До этого она была покрыта вековым лесом. В южной части городища до сравнительно недавнего времени находился небольшой поселок, следы которого до сих пор заметны на среднем участке этой части городища. Восточнее него, на соседних береговых массивах помещались два кладбища. В настоящее время городище не заселено и сплошь покрыто пашней. Однако, несмотря на длительную распашку, валы и рвы его, особенно внешней ограды, прекрасно сохранились, и оно производит неизгладимое впечатление своей мощью и величиной. Особенно замечателен вид на городище из "Замчиска", откуда обзревается вся его площадь и вся линия могучей внешней ограды» (Артамонов 1998: 59 сл.).

Дополнительные данные о Немировском городище появились в новейших работах М. Н. Дараган, которая уточнила и общую площадь памятника (рис. 46):

«Микрорегион, в рамках которого устроено городище, представляет собой слабо пересеченную равнину, расположенную на так называемой Немировской зоне разломов. От наиболее крупной водной артерии региона — реки Южный Буг — городище отстоит на расстоянии чуть более 8 км.

Городище расположено на обоих берегах небольшой речки Мирки и представляет собой укрепление площадью 123 га с периметром оборонительных конструкций чуть более 4 км. В плане образует фигуру овала, ориентированного с запада на восток, размерами 1,5 × 1,2 км... Речка в этом месте протекает с запада на восток и делит площадь городища на две неравные части — северную и южную. Северная часть более высокая, составляет около двух третей всей площади городища, а южная — несколько больше трети, поверхность ее полого спускается к речке, лишь местами в восточном углу образуя невысокие бугры. Тремя болотистыми ложбинами, перпендикулярными к долине речки, она делится на четыре участка. Северный берег речки — высокий, крутой и обрывистый, особенно в срединной части городища. Основу его до половины высоты составляют выходы гнейса-гранита, который только отдельными скалами выступает на поверхность в южной части городища. Се-

верная часть двумя оврагами делится на три участка. Восточный овраг расположен почти перпендикулярно к речке и имеет сравнительно пологие склоны, но при соединении с речкой он заканчивается скалистым обрывом. Западный овраг, извилистый, представляет собой долину ручья Соловницы. Недалеко от впадения в речку он круто поворачивает на 3, образуя у среднего отдела северной части городища соответствующий выступ, полого спускающийся к устью этого оврага. Берега западного оврага крутые, обрывистые.

Вал, окружающий городище, в нескольких местах прерывается. Самые

Рис. 46. Немировское городище. Южный участок оборонительной системы. 1 — фото; 2, 3 — профили; 4 — профиль, моделирование, ЦМР (GRID) (по Дараган 2010а: рис. 26; 2017а: рис. 3; 2017б: рис. 5)

широкие перерывы в валу имеются на северном и южном его отрезках для пропуска ручьев и оврагов, а также, видимо, для входа и въезда на городище. Таких перерывов имеется по четыре в южной и северной частях ограды, т. е., всего имеется восемь разрывов, из которых шесть — естественных.

Современная высота вала на различных участках варьируется от 5 до 10 м, современная глубина рва также различна и на некоторых участках достигает 7 м. В южной части вал несколько выше с внутренней стороны городища. Это происходит потому, что эта часть городища имеет наклон по направлению к реке...

Центральное укрепление. Почти в центре городища, на высоком северном берегу речки, находится отдельное внутреннее укрепление, которое носит название "Замчиско". Его участок выделен с запада и востока оврагами, а с севера — валом и рвом. Вал прослеживается также и с восточной и западной стороны этого укрепления, однако основную защиту здесь составляли искусственно срезанные склоны оврагов, земля с которых использовалась для повышения уровня площади городища.

Ширина рва с северной стороны внутреннего укрепления достигает 6,5, а глубина — 3 м. Высота вала — до 2 м. С В и З сторон высота вала меньше. С Ю, со стороны реки, на внутреннее укрепление ведет крутой подъем протяженностью до 70 м. Площадь внутреннего укрепления 12,5 га» (Дараган 2017а: 400–402).

2.2. Оборонительные сооружения — общие сведения

Целенаправленные полевые работы по изучению оборонительных сооружений Немировского городища проводились летом 1941 г., в 1947–1948 гг. и в 1966 г. Однако еще С. С. Гамченко и А. А. Спицын высказывали свои мнения о характере валов. С. С. Гамченко полагал, что основание вала внутреннего укрепления составляли куски местного гнейсо-гранита, выше которых чередовались слои: сначала дубовый уголь, затем обожженная глина. При этом осталось неясным, на основании каких данных было сделано это предположение. Однако, как подчеркнул М. И. Артамонов, мнение С. С. Гамченко подтвердилось дальнейшими раскопками.

А. А. Спицын, работавший в центральной части памятника, считал, что вал был насыпан из земли, и связывал его сооружение со скифским временем. Он допускал возможность существования деревянной стены вдоль гребня вала.

О работах Г. Д. Смирнова и Г. Б. Гракова летом 1941 г. по зачистке валов Немирова известны лишь косвенные сведения. Судя по тексту М. И. Артамонова, ему удалось побеседовать с Г. Д. Смирновым на эту тему. Известно, что зачищались внутренний и внешний валы. На «Замчиско» работы проводились на северном валу, было установлено, что он имел в основании камни и бревна. На внешнем валу работы велись в восточной части — был зачищен северный край южного полукольца, примыкающего к долине речки Мирки. В основании также были обнаружены большие камни и бревна.

В 1947–1948 гг. во время работы Юго-Подольской экспедиции также были разрезаны внутренний и внешний валы, о чем сохранились лишь краткие сведения. М. И. Артамонов отмечал, что в основании валов лежат камни и бревна, что подтвердило предположение С. С. Гамченко. Время их сооружения не связывалось с начальным этапом скифского поселения на городище, а определялось находками в насыпях валов керамики развитого архаического скифского типа (Артамонов 1947а: 134; 1948: 179).

Среди сохранившихся архивных материалов Юго-Подольской экспедиции Г. И. Смирновой удалось найти один из разрезов внутреннего вала (рис. 47). Как видно из разреза, этот вал имел достаточно сложную структуру, состоящую из многочисленных слоев разной глины (желтая, бело-зеленая), прослоек золы и угля (горелые деревянные конструкции?), остатков дерева, камней. Слой глины сполз также в ров. Однако отсутствие детального описания разреза и полевого дневника не позволяют сделать надежные заключения о стратиграфии и структуре вала. Разрез внешнего вала, в строительстве которого М. И. Артамонов выделил два периода, отсутствует.

Наиболее полные данные по изучению оборонительных сооружений Немировского городища имеются в работах А. А. Моруженко (1967: 201 сл.; 1975). Она сняла пять профилей оборонительных сооружений (№ 1–3 в северной части внешнего вала, № 4 и 5 в северной

и южной частях внутреннего укрепления), а также сделала разрез внешнего вала (Моруженко 1975: рис. 1–3) (рис. 48, 1–3). Исследовательница допустила, что делала разрез на месте работ М. И. Артамонова в 1948 г. (Там же: 67). На самом деле, как следует из текста М. И. Артамонова, здесь делал зачистки вала Г. Д. Смирнов в 1941 г.

А. А. Моруженко исследовала вал в юго-восточной части городища. Вот как она описала процесс и основные результаты своей работы:

«Раскоп был заложен на правом берегу р. Мирки при выходе ее из территории городища. Вал в этом месте насыпан на краю надпойменной террасы, которая обрывается в долину реки. Поэтому он здесь выглядит очень высоким. Ширина его подножья составляет 32 м, высота – 8,5 м. Основой вала является скала из гнейсо-гранитных пород, которые в этом месте выходят на поверхность. Сверху скалу перекрывал погребенный грунт – грубозернистый песок, слой которого был толщиной до 60 см. На эту основу во время копания рва была насыпана глина, а поверх ее – такой же песок. Сооружая вал, землю подсыпали с внешней стороны городища. В этой части вала сохранились ямки со следами сгнившего дерева от столбов. Эти 12 ямок располагались друг за другом на расстоянии 10–20 см, их диаметр составлял от 5 до 15 см. Это остатки деревянной конструкции, сооруженной внутри вала для его укрепления.

Слой песка и глины в северной части разреза перекрывается прослойкой серого грунта толщиной 40 см, который равномерно залегает почти от подножия вала. Выше толщина слоя уменьшается до 10 см, и он образует почти горизонтальную площадку. Под этой серой землей в средней части вала грунт очень разнообразный: темно-серый и серый вперемешку с желтой и красной глиной. Возле подножия этого повышения «...» в южной части разреза много камней и слой горелого дерева. Обожженные колоды, вернее их следы, толщиной 1-2 мм встречаются здесь на глубине до 40 см. На уровне 4,30 м от вершины вала зафиксированы остатки двух плах: одна шириной 14 см, вторая – 30 см, длина – обеих 1,30 м, расстояние между ними – 10 см. В этой части разреза поверх песка

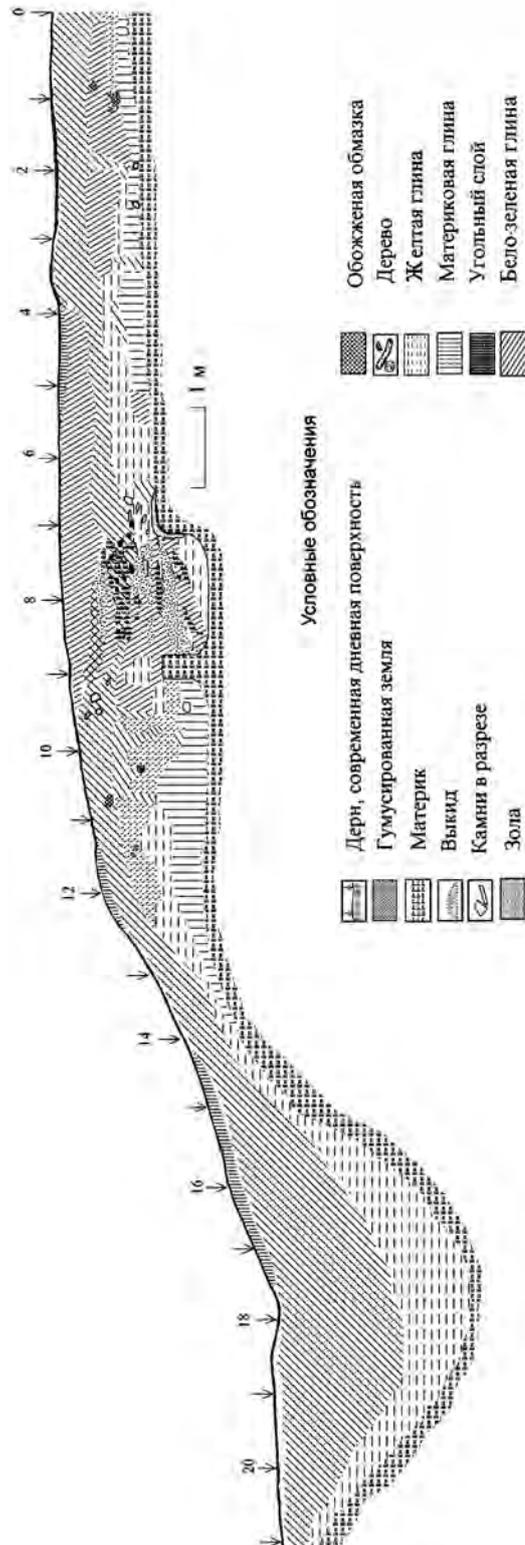
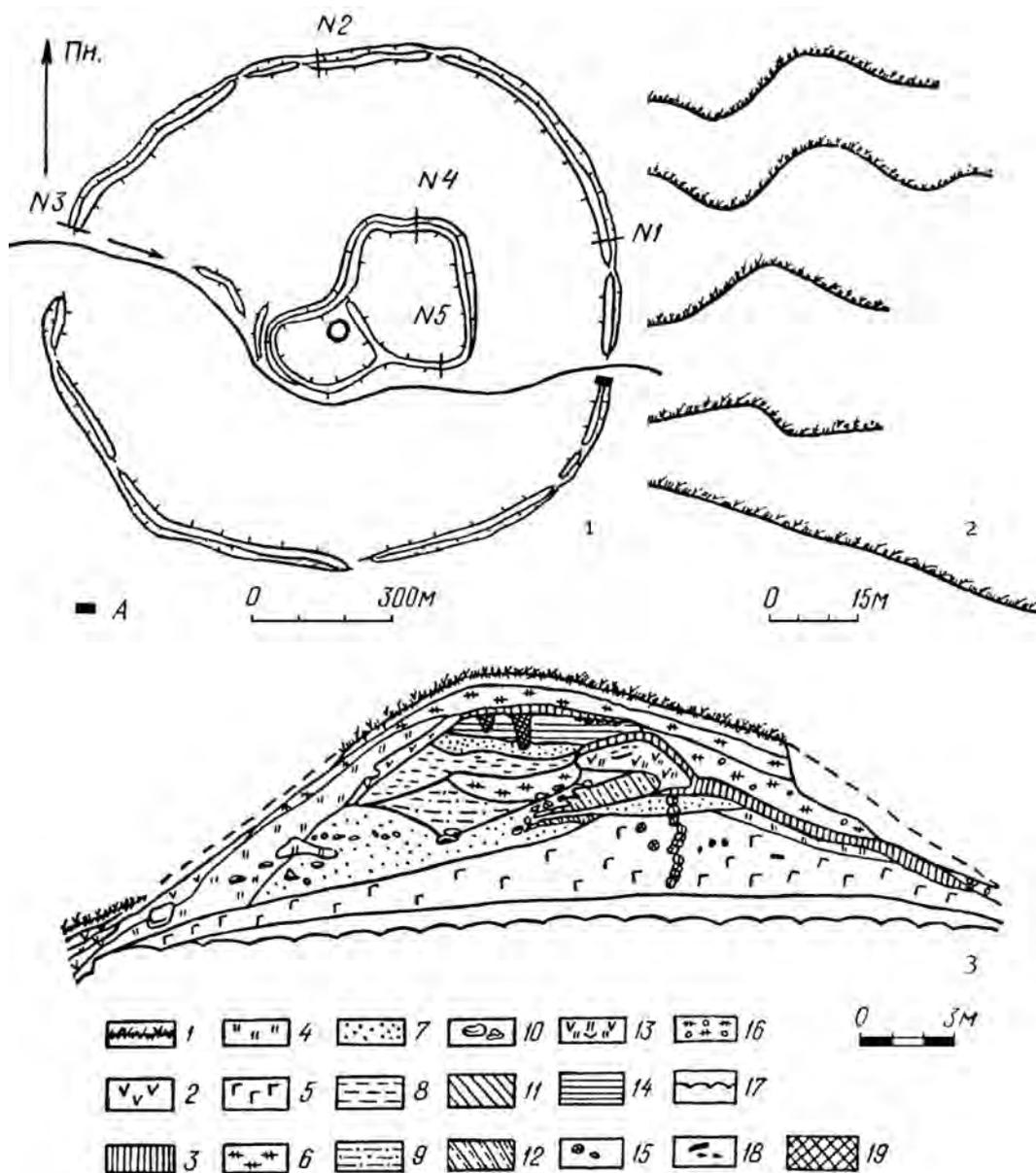

Рис. 47. Немировское городище, разрез внутреннего вала (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

глина и грубозернистый песок правильно чередовались с нарушенными слоями. Здесь также имеются небольшие песчаные прослойки и линза желтой глины.

На высоте 7,40 м от подножия вала обнаружены ямы от двух вертикальных столбов. Большая – имеет конусовидную форму, глубина ее равняется 1,30 м, диа-

Рис. 48. Немировское городище, работы А. А. Моруженко.
 1 – схематичный план (№ 1–5 – места профилей; А – место разреза вала);
 2 – профили укреплений;
 3 – разрез вала (условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – серый грунт; 4 – желтая глина; 5 – темная глина; 6 – светлая глина; 7 – грубозернистый песок; 8 – слои красной и желтой глины с песком; 9 – глина с грубозернистым песком; 10 – камни; 11 – светло-серый грунт; 12 – темно-серый грунт; 13 – серый грунт в смеси с желтой и красной глиной; 14 – слои глины и грубозернистого песка; 15 – остатки горизонтальных столбов; 16 – красная глина; 17 – скала; 18 – горелое дерево; 19 – заполнения ям) (по Моруженко 1975: рис. 1–3)

метром – 60 см. Меньшая – цилиндрической формы, глубина ее составила 40 см, диаметр 20 см. Сверху все перекрыто черноземом и глиной (желтой и светлой). Никаких следов специальной обожженности вала, о чем писал С. С. Гамченко, не выявлено. В действительности, большая часть насыпи – грубозернистый песок с глиной, по цвету похожи на сожженный слой» (Там же: 67–68, рис. 3).

Сделанный А. А. Моруженко разрез имеет сложную стратиграфию, включающую множество слоев и прослоек, часть из которых она отнесла к естественной слоистости каменной скалы. На территории городища она осмотрела карьер для добычи камня и установила, что каменная скала не однородна, а имеет слоистую

структуру, когда слои камня толщиной 0,6–0,8 м естественно чередуются с грубозернистым песком (щебнем) и красно-бурой глиной такой же структуры, как и в раскопе.

Исходя из этих наблюдений и стратиграфии разреза, исследовательница выделила два периода в сооружении оборонительной системы Немировского городища:

«Сначала был ровно насыпанный невысокий вал, в верхней части которого сохранились обугленные остатки деревянной стены. Основа этой конструкции была, наверно, укреплена камнями. В середине вала выявлены накосы расположенные бруски, очевидно, следы какой-то деревянной конструкции. Возможно, это остатки стяжек для укрепления

ния вала, насыпанного из грубозернистого песка. <...> С внутренней стороны деревянная стена подсыпана грунтом, верхняя часть которого имела вид горизонтальной площадки. Это т. н. банкет, где могли находиться защитники поселения. Потом, когда укрепления были разрушены, остатки сгоревшей деревянной облицовки завалились до подножия вала.

В связи с разрушением первичного укрепления позднее был достроенный вал. В верхней части был сформирован горизонтальный майданчик, а на нем, возможно, снова была сооружена деревянная стена. Основой для нее были столбы, ямы от которых четко прослеживаются в профиле. Очевидно, эта деревянная конструкция располагалась возле внешнего края плоской вершины вала. С внутренней стороны снова был сооружен банкет. Все нестойкие слои насыпи были тщательно перекрыты большим надежным слоем глины. Новое оборонительное сооружение было более грандиозно, но основная схема строительства осталась старой» (Там же: 69).

Как отметила исследовательница, в насыпи не было обнаружено никаких изделий, чтобы датировать периоды строительства. Посчитав, что существенной частью оборонительных укреплений, кроме земляных насыпей, были деревянные конструкции, она сравнила валы Немирова с укреплениями Мотронинского, Пастырского и других городищ скифского времени лесостепи. В итоге А. А. Моруженко пришла к выводу, что на территории лесостепи прослеживается определенная общность в технике строительства фортификационных сооружений, основанная на местных традициях и местном строительном материале. «Немировское городище, как памятник, оставленный местными племенами», находится в этом ряду (Там же: 69–70). Такое мнение об оборонительных сооружениях Немирова в историографии сохраняется и по сей день, встречаясь во многих статьях, а также в работах обобщающего характера.

Геоинформационные работы, которые в последнее время проводит М. Н. Дараган на Немировском городище, и сравнительный анализ его оборонительных сооружений с фортификацией других лесостепных городищ-гигантов раннескифского периода, привели к некоторым важным наблюдениям (Дараган 2017а: 420–424; 2017б: табл. 2).

Как и многие ее предшественники, М. Н. Дараган отметила сложную систему укреплений памятника с несколькими рядами валов и внутренним укреплением, а также деление территории на две большие части с дополнительными частями внутри. Немировское городище, оборонительные системы которого окаймляют проточный водоем (речку), было отнесено к городищам с низкой топографией, хронологически охватывающим VII – начало VI в. до н.э. (Дараган 2017а: 420 сл.). Сопоставление известных фортификаций раннескифского периода показало:

«Если сравнивать эти городища с предшествующими, а отчасти и с синхронными в рамках других культур, то мы наблюдаем отрыв планировочной структуры городищ от рельефа окружающей местности и создание сооружений, стремящихся к правильной геометрической форме.

<...>

Хочу обратить внимание и на тот факт, что форма городищ и особенности топографии или всего городища, или определенных участков того или иного городища, не всегда могут быть объяснены только требованиями обороны. Здесь явно был задействован еще какой-то принцип» (Там же).

На «странную» топографию Немировского городища в свое время обратил внимание еще А. А. Бобринской, которого также процитировала М. Н. Дараган (2017а: 420, сн. 1):

«В плане Немировского городища, а отчасти и Мотронинского, поражает черта, вполне противоречащая стратегическим требованиям, а именно, что часть укрепления занимает места довольно низкие, таким образом, что над этой частью вала совершенно господствуют соседние высоты. При нынешних боевых условиях укрепление подобного рода теряло бы всякое значение, так как легко могло быть обстреливаемо с соседних высот. Очевидно, что в то время, когда сооружены были эти валы, не было никакой опасности, не говорю об огнестрельных, но вообще от каких-либо метательных орудий дальнего полета» (Бобринской 1894: 60).

Важное высказывание А. А. Бобринской и подтвержденные новейшими методами наблюдения М. Н. Дараган возвращают нас к проблеме появления в раннескифский

период в лесостепи Северного Причерноморья городищ-гигантов. В историографии по этому вопросу были выработаны несколько основных объяснительных моделей: в одних как ведущий фактор выдвинуты требования обороны (предотвращение скифского вторжения), в других — на первый план поставлены процессы консолидации и централизации сообществ (см. Дараган 2017а: 397 сл.). В частности, Немиров и Севериновка «образуют северную линию городищ, соединяющих Днестровский и Днепровский бассейны» (Ignaszak i inni 2016: 254).

Размышляя над этим, наше внимание привлекло заключение М. Н. Дараган:

«Появление подобного рода сооружений не следует из внутренней логики развития местной традиции фортификации. Предпринятый подход к рациональному использованию рельефа и фортификационным принципам отличается от того, что был здесь в предшествующее время. Эти сооружения возникли не в ходе эволюции...» (Там же: 424).

Следуя этому, можно полагать, что принципиально новые монументальные сооружения — раннескифские городища-гиганты — могли появиться в результате трансферта идей и технологий. Эти оборонительные сооружения могли быть инновационным продуктом инженерной мысли. В регионе как мог произойти трансферт идей, технологий, так и появиться переселенцы, для которых при выборе новых мест обитания приоритетным условием могло быть наличие водных ресурсов, а не требования обороны⁵. Как заметила М. Н. Дараган (2017а: 424), если по археологическим данным нельзя уловить демографические ресурсы социума, это и не означает, что таковых не было. Здесь добавим, особенно если речь идет о сообществах, ведущих мо-

⁵ Такого рода трансферт мог осуществиться вследствие «скифских набегов» в Карпато-Дунайский бассейн и Среднюю Европу (см. Скорый 1983; 1984; 1990б; 2006; Хохоровски 1994; Бруяко 2005: 229 сл.; Hellmuth 2006: 137 ff.; ср. Мелюкова 1992; 2001), когда «начиная со второй трети — середины VII в. до н.э., возвращающиеся из далеких походов на запад скифские конные воины, а вместе с ними торговцы и ремесленники принесли в Северное Причерноморье гальштатские "вещички" (металлические предметы, украшения и керамику)» (см. Кашуба и др. 2010: 163) и не только их. Возможно и другое развитие событий, при котором люди с инженерными и строительными навыками появились с востока, из Центральной Азии вместе с носителями раннескифского комплекса. Однако на обоих направлениях (западное и восточное) подобное монументальное строительство пока не выявлено.

бильный образ жизни: в таких сообществах задействованное количество людей, которые могли привлекаться в тех или иных ситуациях (например, при строительных работах), фактически не поддается подсчету. И это связано с особенностями освоения пространства.

В исторической перспективе можно говорить о двух генеральных путях освоения пространства: «оживление» и «убивание», как это происходит в вечно живой, вечно умирающей и вечно возрождающейся Природе. Земледелец и кочевник осваивают пространство, но пути достижения этого у них различные. Земледелец «оживляет» пространство: он закрепляется на местности и стремится расширить освоенные области. Его ответ заключается в создании культурного ландшафта с его засеянными полями и местами оседлости: поселениями, городищами и, в конечном итоге, городами. Кочевник «убивает» пространство, и как это сделать — вопрос у него не стоит. Его ответ — постоянное движение, он движется линейно и без ограничений. Движение для него является не только необходимым условием существования, но также повседневной реальностью быта. Принимая это во внимание, полагаем, что большие валы, например, Немировского городища, могли быть возведены с целью освоения пространства, отделяя освоенную часть от природного ландшафта. В таком случае освоенная часть пространства становилась социально-культурным ландшафтом.

Приведенные выше сведения относительно оборонительных сооружений Немировского городища лишний раз показывают важность их дальнейшего изучения.

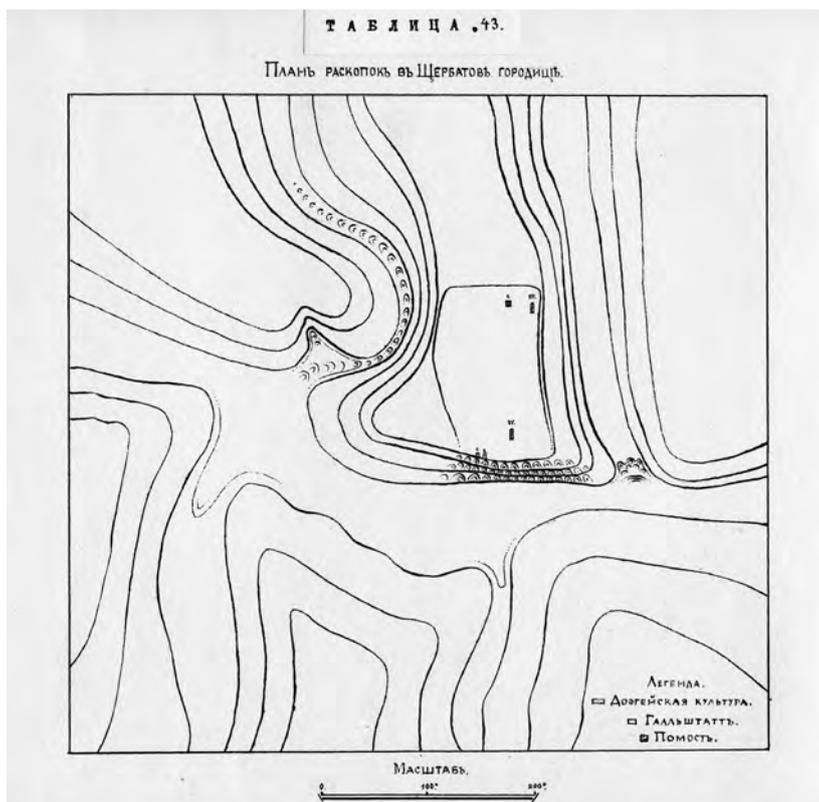
2.3. Состояние источников: полевая и архивная документация

Освещение в научной литературе раскопанных объектов и находок из Немировского городища показывает, что архивная документация остается единственным источником для осмысления культурного комплекса разных эпох. Приступая к обработке немировской коллекции и введению ее в научный оборот, авторы столкнулись с трудностями, которые, как правило, подстерегают каждого, кто приводит в порядок «раскопанные вещи» из экспедиций прежних лет. Только масштабы таких трудностей в каждом отдельном случае бывают разными.

Полевая документация дореволюционных раскопок представлена архивными данными в виде небольшого раздела в подробном научно-полевом отчете С. С. Гамченко и прилагаемыми к нему шестью папками иллюстраций (Гамченко 1909; 1911). Среди иллюстраций имеется план с отмеченными раскопами (рис. 49).

Детальный анализ полевой документации и добытых материалов находим в работе М. А. Артамонова:

«Первые научные раскопки на городище были произведены С. Гамченко в 1909 г. (ОИАК 1913а: 176; Гамченко 1911: 279). Они были сосредоточены на площади "Замчиска", где С. Гамченко в разных местах заложил 10 раскопов (траншей) сравнительно небольшой величины. Главным предметом его внимания были остатки трипольской, или, как он ее называл, "до-эгейской" культуры. По наблюдениям этого исследователя, на площади "Замчиска" прослеживалось несколько рядов площадок, расположенных с известной правильностью по отношению к городищу и друг к другу. На плане, приложенном к его отчету об исследованиях 1909 г., он указывает на площади "Замчиска" 20 площадок, образующих 7 рядов поперек длинной оси городища, причем, площадки оказываются расположенными в шахматном порядке (Гамченко 1909: табл. 58; 1911: 269). Во время нашего обследования на поверхности "Замчиска" наблюдались места со скоплениями обожженной глиняной обмазки, которые могут соответствовать местонахождению площадок. Однако этого рода остатки не представляли в своем размещении той правильности, какую отметил С. Гамченко, и к тому же находились иногда в таких пунктах, где у С. Гамченко они не значатся. И ввиду этого картину трипольского поселения в пределах "Замчиска", которую рисует С. Гамченко, надо отнести за счет богатой фантазии этого чрезмерно увлекающегося исследователя. Тем не менее, несомненно, что на месте "Замчиска" находилось трипольское поселение. Следы его представлены не только выше отмеченными скоплениями обмазки, но и многочисленной, выпаванной из земли, типичной расписной керамикой. Весьма существенным является то обстоятельство, что следы этого поселения сосредото-

точены в пределах "Замчиска". В других частях городища трипольская керамика встречается отдельными находками и притом только в юго-западной части. Следы "площадок" в виде скопления обожженной обмазки нам, кроме площадки "Замчиска", удалось заметить только в непосредственной близости к нему — на западном выступе центрального плато северной части городища. Их нет даже на этом плато севернее "Замчиска", за рвом, ограничивающим его с этой стороны.

В южной части "Замчиска" С. Гамченко раскопал типичную трипольскую площадку длиной в 25 м и шириной в 8 м. На месте ее был обнаружен пласт из мелких кусков глиняной обмазки с отпечатками лозы и дубовой дроби. Обмазка состояла из суглинка в смеси с сечкой и половой, была сильно обожжена, местами даже шлакирована. По краям этого пласта встречались куски кирпича, которые, по мнению С. Гамченко, представляют собой куски обмазки, находившейся у основания стен. Площадь пола оказалась ровной и тщательно выглаженной. Вся она была испещрена трещинами, делившими ее на куски ("плитки или кирпичики") различной формы и величины. Верхний слой пола составляла обмазка из желтой глины, а нижний

Рис. 49. Щербатово городище (центральное укрепление Немировского городища), план раскопок С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1909, д. 85б, л. 43; публикуется впервые)

состоял из суглинка с сечкой и половой и был положен на поперечно положенные дубовые плахи, отпечатки которых сохранились как на нижней стороне глиняной обмазки, так и на грунтовом основании площадки. В одном месте пол был сильно обожжен, здесь же найдены мелкие куски сильно обожженного камня, по предположению С. Гамченко, оставшиеся от печки или очага. На всем пространстве "площадки" собраны черепки расписной посуды, кусочки раздробленных костей животных, остатки двусторчатых раковин, сухопутные улитки, осколки кремня и кремневые орудия (серпы, ножи, скребла и т. п.), куски зернотерок и части глиняной статуэтки. Вокруг основания площадки прослежена канавка, с южной узкой стороны ее поднимающаяся на нет, что, вероятно, соответствовало местоположению входа.

Второй пункт раскопок С. Гамченко находился в северо-восточном углу "Замчиска" (Гамченко 1911: 270). Здесь им было открыто любопытное сооружение в виде трех пар цилиндрических ям, соединенных между собой подземными арочными переходами, а также связанной с соседними помещениями одной ямы, находившейся в середине южной стороны. Стенки этих ям, по словам С. Гамченко, были укреплены плетнем из драни и лозы и обмазаны глиной, смешанной с сечкой и половой, а сверху они были перекрыты сводами с такой же деревянной основой и глиняной обмазкой. Вход в это подземное сооружение, по предположению С. Гамченко, шел через отверстие в своде одиночной южной ямы. Это, по его мнению, было жилище того же типа, что и "площадки", но не наземное, а подземное. Общие размеры его: длина 21 м, ширина 12 м, высота около 3 м (Гамченко 1909: табл. 59; 1911: 272–276).

Это единственное в своем роде сооружение трипольской культуры. Нигде больше ничего подобного, насколько нам известно, не наблюдалось. Вместе с тем, едва ли можно сомневаться в тонкости наблюдений С. Гамченко, по крайней мере, в отношении размеров и глубины этого памятника, а также принадлежности его именно к трипольской культуре. На полу помещения он нашел очаги с углем и золой, черепки посуды, обломки зерно-

терок, осколки кремня, фрагменты костей и раковин, т. е. обычный материал трипольских площадок. Подземные жилища в виде ям, соединенных короткими арочными коридорами, были открыты на скифском поселении Варваровка напротив Николаева, на Буге же (Шульц 1940: 74, рис. 14). Они свидетельствуют, что сооружения, подобные тому, которое усматривает С. Гамченко в остатках, обнаруженных им на Немировском городище, действительно существовали в Побужье. Могли они, следовательно, существовать и в трипольское время, представляя, таким образом, ту исходную форму подземного жилища, которая в скифское время удерживалась в низовьях Буга и на о. Березань (Артамонова 1940: 52–54, рис. 8).

В пяти траншеях (11 × 1,5 м), заложенных С. Гамченко в разных местах по площади "Замчиско", никаких следов сооружений не было найдено. Под слоем чернозема, мощностью около 25 см, всюду шел слой лессовидного суглинка, насыщенный комками обожженной глины (обмазки), черепками трипольской и скифской керамики, осколками раздробленных костей животных (коровы, лошади, свиньи, козы, собаки), дубовыми угольками и т. п. признаками культурного слоя. Мощность его равнялась в среднем 1,4 м. Ниже залегал материковый лесс.

Заложенные нами на площади "Замчиско" несколько небольших (2 × 2 м) шурфов дали несколько другую картину. В первом шурфе в северо-восточной части городища, приблизительно там же, где находилась одна из траншей С. Гамченко, под слоем распаханного чернозема обнаружен слой гумусированного суглинка всего до глубины 0,6 м от поверхности почвы; далее начинался уже материковый лесс. Находки в этом шурфе состояли из нескольких фрагментов скифской керамики, небольших обломков костей животных и нескольких кусочков обожженной глиняной обмазки. Следующий шурф, заложенный несколько южнее первого, открыл материк на глубине 0,5 м. Находки такие же и также весьма малочисленны. Западнее этого шурфа, ближе к средней продольной оси городища, материк также залегал всего на глубине 0,6 м. Культурный слой был более глинист, чем в двух предше-

ствующих шурфах, и содержал наряду со скифской керамикой значительное количество фрагментов трипольской посуды, особенно в самом низу культурного слоя. Наконец, шурф в северо-западной части городища также обнаружил материк на глубине 0,6 м. Находок здесь было очень мало. Трипольской керамики не обнаружено вовсе. Кроме нескольких скифских черепков найдены два фрагмента славянских горшков.

Таким образом, во всех наших шурфах мощность культурного слоя вместе с распаханным черноземом оказалась равной всего 0,5–0,6 м, тогда как при раскопках С. Гамченко она превышала 1,5 м. Чем объяснить столь различные результаты разведок культурного слоя — я не знаю. Может быть, при раскопках С. Гамченко в траншеях встречались ямы, глубину которых он причислил к мощности слоя над материком. Впрочем, это маловероятное предположение. Столь же невероятно допустить, что за четыре десятка лет, разделявших наши и С. Гамченко исследования, культурный слой городища в результате смывания или сползания уменьшился столь значительно, почти на две трети своей толщины» (Артамонов 1998: 62–64).

Свои исследования в 1910 г. А. А. Спицын в основном проводил на разных участках «Замчиско», включая курганообразное возвышение («зольник»). «Зольник» находится у северного края «Замчиско», возле входа в него, и непосредственно примыкает к северному валу; он был сильно испорчен местными кладоискателями (Спицын 1911: 158; 1910: л. 132 — см. рис. 50). Описанию найденных при раскопках городища объектов, материалов и пр. посвящена отдельная тетрадь (дело № 308) «корочек» А. А. Спицына (см. гл. 1). Развернутый анализ его работ также находим в упоминаемой выше статье М. И. Артамонова, в которой для аутентичности несколько рисунков были заменены на оригинальные чертежи и эскизы из «корочек» А. А. Спицына:

«Раскопки А. А. Спицына в 1910 г. (Спицын 1911: 158) были сосредоточены на курганообразной насыпи, находящейся в "Замчиске" возле входа в городище с севера, к востоку от него (Спицын 1910: л. 126–132). Насыпь сильно расплывшаяся, с пологими склонами, северной

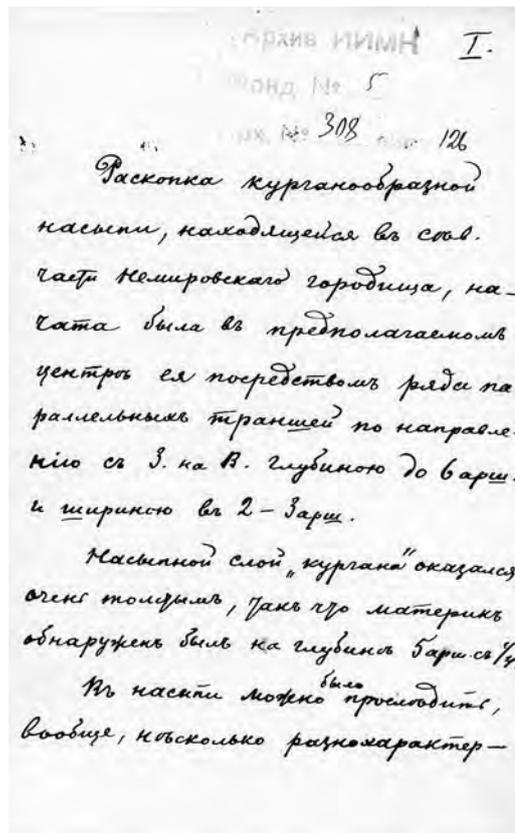
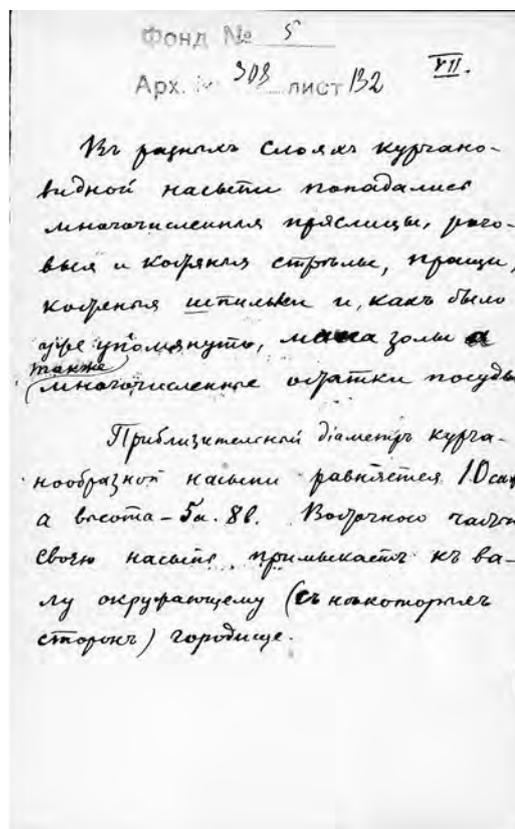

Рис. 50. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу. 1 — начало описания раскопок «зольника»; 2 — данные о размерах «зольника» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 126, 132; публикуется впервые)

своей поллой она примыкает к валу. Приблизительный диаметр насыпи 20 м, высота 3,5 м. Вершина ее самая высокая точка внутри всего Немировского городища. Отсюда видна не только вся площадь, замкнутая большой оградой, но и подступы к городищу со всех сторон.

В этой насыпи еще до исследований С. Гамченко велись кладоискательские раскопки. Здесь, по словам С. Гамченко, были найдены две медные булавки и несколько бронзовых наконечников стрел скифского типа. Путем обследования грабительских ям он установил, что курган этот насыпной и что материалом для него послужила земля "Замчиска". В насыпи перемешаны чернозем, лесовидный суглинок, масса костей животных и обломки керамики. Он сомневается в том, что это погребальное сооружение ("курган?") и полагает, что, во всяком случае, насыпь сделана много позже городища "Замчиска".

В середине этой курганообразной насыпи А. А. Спицыным было заложено три параллельных траншеи, направленных с запада на восток (Там же: л. 133–139). Материк был обнаружен на глубине 3,5 м (рис. 51–53). "В насыпи, – по словам записи, составленной на месте работ, – можно было проследить несколько разнохарактерных, повторяющихся почти в определенном порядке наслоений, в которых поражало обилие золы и масса пережженных костей животных (млекопитающих и птиц), в верхних шарах под возделываемым черноземом находилось также значительное количество остатков жизни глинобитных площадок". В своей статье "Скифы и Гальштат" А. А. Спицын пишет, что насыпь "кургана" состояла из семи слоев земли, взятой тут же на культурной площади городища, "слои эти, – продолжает он, – вынимались из почвы своеобразно: сперва культурный пласт, затем материк, затем новый концентрический круг из культурной земли и материка, и так до семи раз" (Спицын 1911: 158).

В северной половине насыпи была обнаружена древняя впускная яма на 0,5 м углубляющаяся в материк (Спицын 1910: л. 128–130). Очертания ее были испорчены двумя другими врезающимися в нее ямами. Нетронутой осталась только южная часть древней ямы, за-

полненная большими камнями и черным перегноем (рис. 51–53). Именно об этой яме А. А. Спицын говорит, что она первоначально показалась ему погребальной, но, что в конце концов от этого предложения пришлось отказаться, т. к. "никаких признаков погребения здесь не было усмотрено: ни косточки, ни черепка, ни одной вещицы... Пришлось придти к выводу, что яма существовала до сооружения насыпи" – заключает он в противоречии с вышеприведенной характеристикой ее как впускной (Спицын 1911: 158; 1910: л. 138).

В юго-восточной и юго-западной частях насыпи было открыто еще по яме, явно впускных и позднейших (Спицын 1910: л. 131, 136–138) (рис. 51–53). Первая из них, глубиной в 2,15 м, была заполнена большими камнями и "смесью разных курганных наслоений", а вторая, доходившая до глубины 2,8 м от поверхности насыпи, была засыпана еще не слежавшимся черноземом. Весьма вероятно, что, по крайней мере, последняя из этих ям, представляла собой следы кладоискательства, обследованные на год раньше С. Гамченко.

В юго-восточной поле этой же самой курганной насыпи нами был заложен раскоп в виде траншеи 2 × 10 м, ориентированный 3-В (рис. 54). Насыпь этой траншеи оказалась захваченной самое большее на толщину в 0,7 м. Восточный конец траншеи выходил уже за пределы насыпи. Структура исследованной нами части насыпи оказалась аморфной, хотя никаких следов перекапывания ее в пределах раскопа не замечено. Она состояла из чернозема с примесью значительного количества золы. Нередко встречались угольки. В насыпи было огромное количество черепков древней посуды, притом почти исключительно скифской. Фрагменты трипольской керамики встречались как исключение, славянские черепки попадались еще реже и притом только до глубины пашни. Зато много было костей разных животных. Находились также типично скифские катушки, пряслица и глиняные бусы. Совершенно одинаковый характер сохраняла насыпь до самого материка.

Иная картина открылась за пределами насыпи в восточном конце траншеи. Здесь до глубины в 0,75 м шел слой

аморфного гумуса с преобладающей скифской керамикой. Ниже до материка на глубине 0,95 м залегал слой плотной глины с примесью мелкого угля и золы, содержащий исключительно трипольскую керамику. Нет сомнения, что здесь мы имеем дело с остатками трипольского сооружения, хотя бы в виде слоя расползшейся от него глины.

Почти на всей площади траншеи обнаружилась яма, впущенная в материк, ею был перерезан вышеуказанный глинистый слой с трипольскими черепками. Яма эта была, по-видимому, четырехугольная в плане. Размеры ее, к сожалению, остались не определенными, т. к. расширить площадь раскопа не представилось возможности. Открыты были только части юго-восточной и юго-западной ее стен, соединившихся, по-видимому, углом за северной границей раскопа. Стенки ямы были вертикальные, высотой от пола до уровня материка 0,7 м. Пол – плотно утрамбованная гумусированная глина с втоптанymi в нее угольками, золой и фрагментами скифской керамики и мелкими обожженными камнями. Возле юго-восточной стенки замечено на полу скопление обожженных камней и золы, здесь же находилось наибольшее скопление фрагментов грубых кухонных сосудов (рис. 54).

Заполнение ямы только сверху такое же аморфное, как и насыпь перекрывающей ее полы "кургана". В обресе раскопа совершенно легко прослеживается вогнутость этого заполнения над ямой, причем, к востоку за ямой этот слой, утончаясь, продолжается и над глинистым слоем с трипольским материалом, находящиеся ниже слои заполнения ямы сохраняют вогнутость. Под аморфным слоем здесь прослеживается весьма золыстый слой с большим количеством углей. Он продолжается и за западной границей ямы над материком, уходя под полу "кургана". В нем заметна довольно значительная угольная прослойка. Ниже этого слоя лежит слой гумусированной глины с включением керамики и костей животных. Наконец, самый низ ямы опять заполнен землей с большой примесью золы и углей. В этом заполнении ямы близ дна были найдены три фрагмента родосских сосудов. Еще два фрагмента того же рода были обнаружены

в насыпи "кургана" непосредственно над ямой, на глубине 1,7 м от поверхности "кургана" в этом месте, или, что то же, на уровне материка.

Едва ли можно сомневаться, что открытая нами материковая яма представляет собой остатки жилого сооружения полуземляночного типа. Не может быть также сомнения в том, что она вырыта позже трипольского времени, так как перерезает остатки трипольской "площадки". Но древнее она или позже курганообразной насыпи – ответить на этот вопрос не так просто. Ясно, что заполнение ямы происходило первоначально независимо от "кургана". Ко времени распространения на нее полы "кургана", она была уже почти заполнена: на месте ее оставалась неглубокая впадина, позже закрытая материалом "кургана", по-видимому, в результате расползания его насыпи. Следовательно, яма могла быть вырыта и до сооружения "кургана", и в то время когда он уже был налицо, но еще не расползался. Судя по продолжению над ямой хорошо стратифицированного слоя, уходящего под насыпь "кургана", мне представляется, что не только сооружение, но и заполнение ямы может относиться ко времени до насыпки "кургана". К сожалению, указанный слой прослежен только под расползшейся частью "кургана"м, а не под первоначальной насыпью и потому значение указанного наблюдения остается условным.

О древности ямы свидетельствует и находка в ее заполнении черепков родосской керамики, датируемой концом VII в. до н.э., хотя, конечно, эти черепки могли попасть в яму много позже времени бытования соответствующих сосудов. Указания на глубокую древность ямы представляют также черепки скифской керамики, втоптаные в пол ямы и относящиеся, надо полагать, ко времени, когда она служила жилищем. Эти черепки несколько отличаются от обычной для данного городища скифской керамики, прежде всего, своим грубым, с большой примесью песка тестом и буро-красным цветом, какой редко наблюдается у скифских сосудов. К сожалению, типологическая хронология скифской керамики остается еще не разработанной и эти данные не могут служить для наших целей.

Как бы то ни было, скифская принадлежность ямы может считаться несомненной. Считать ее трипольской нет решительно никаких оснований. Славянской она не может быть потому, что ни в полу, ни в заполнении ямы не найдено ни одного славянского черепка, можно думать, что к славянскому времени она была давно засыпана и даже место ее было закрыто полою курганообразной насыпи, в самом верхнем слое которой, как было указано, изредка встречались славянские черепки.

А. А. Спицын, убедившись в невозможности отнесения курганообразной насыпи к погребальным сооружениям, предположил, что она близка к "зольникам" Бельского городища. Она, действительно, производит впечатление мусорной кучи, в которой зола и прочие отбросы очагов занимают основное место. Однако, остается неясным, образовалась ли курганообразная насыпь "Замчиска" в результате постепенного ссыпания в одном месте золы и разного рода отбросов, накапливавшихся в жилищах скифского времени, или была насыпана одновременно из культурного слоя городища. Наблюдения мои и А. А. Спицына в этом отношении существенно расходятся между собой. По А. А. Спицыну, насыпь состоит из чередующихся слоев культурной земли и материковой глины, что могло бы свидетельствовать об одновременности сооружения насыпи из земли, взятой с окружающей ее площадки, где под культурным слоем относительно неглубоко залегает материковая глина. Это объяснило бы и смешение в насыпи скифской и трипольской керамики и наличие в ней кусков трипольской обмазки. В раскопанной нами части насыпи прослойки материковой глины не наблюдались. Она целиком состояла из насыщенного золою культурного перегноя без ясно выраженных стратиграфических признаков. Трипольских остатков в виде черепков посуды и кусков обмазки почти не встречалось.

Нельзя сомневаться в точности наблюдений А. А. Спицына, с другой стороны, я уверен, что исследованная нами часть насыпи не была перекопана. Указанное выше различие в структуре может объясняться тем, что наш раскоп затронул только полу насыпи, образовавшуюся

в результате ее оползания в стороны, а в центральной своей части, изученной А. А. Спицыным, сохранившую первоначальную структуру, но что же в таком случае представляла собой эта курганообразная насыпь? Это не был погребальный курган, и это не могла быть просто мусорная куча, своего рода свалка в пределах поселения. Полагаю, что ответ на этот вопрос дает уже отмеченное положение насыпи при входе в городище возле оборонительного вала и то, что она до сих пор представляет наиболее возвышенное место, с которого открывается обширный вид не только на всю площадь, замкнутую большой внешней оградой, но и на подступы к ней. Это было сооружение оборонительного характера, усиливающее защиту северной стороны "Замчиска" и представляющее прекрасный наблюдательный пункт. Своего рода башня.

Воздвигнута была эта насыпь, по видимому, в конце скифского периода жизни городища, когда на поверхности его образовался значительный культурный слой со скифскими материалами. Этот слой, вместе с подстилающими его трипольскими отложениями и материковым суглинком, был использован на сооружение насыпи, образуя в ней те, отмеченные А. А. Спицыным, чередующиеся напластования, которые соответствуют порядку залегания земли на использованной для насыпи площади городища. Нахождение славянских черепков только в верхнем распаханном слое насыпи исключает возможность отнесения ее к славянскому времени.

При раскопках С. Гамченко на площади "Замчиско" никаких жилых и хозяйственных ям, кроме описанных выше остатков подземного сооружения трипольского времени, не было обнаружено. Точно также и наши шурфы не открыли ни одной другой жилой ямы, кроме найденной под полою курганообразной насыпи. Зато раскопками А. А. Спицына на площади городища было вскрыто множество разнообразных ям.

Почти на середине восточного края "Замчиска" имеется впадина, которая весьма заинтересовала А. А. Спицына. Он заложил на ее месте раскоп и очень скоро обнаружил, что это "естественный провал в каменистой подпочве городища" (Спицын 1911: 159). Вокруг этой

впадины он раскопал участок общей площадью около 315 кв. м, разбитый на 14 кессонов. Затем от этого раскопа возле впадины был проведен длинный раскоп к середине городища длиной почти 70 м и шириной от 8,5 до 12,5 м. По всей этой достаточно большой площади было обнаружено множество ям, впущенных в материк.

Большинство из них забито культурным слоем с кусками глиняной обмазки, черепками и костями. В составе керамики отмечаются фрагменты скифских сосудов. Встречены бронзовые стрелки, глиняные бусы, костяные поделки. Ямы с такого рода материалом или цилиндрические или конусовидные глубиной около 1,5 м и с примерно таким же размером диаметра дна. Кроме того, отмечены ямы яйцевидной формы, как правило, более глубокие, до 2,5 м глубиной при диаметре отверстия от 1 до 1,5 м. Заполнение их такое же, как и первых, но в нескольких встречены комки обугленных зерен конопли. Наконец, есть ямы грушевидные, тоже глубокие, не менее 1,5 м глубиной, а иногда достигающие и до 1,8 м, при диаметре в наиболее широкой части от 1 до 1,5 м. В одной из таких ям найден традиционный славянский жернов. Отмечены в них и черепки славянской керамики. Таким образом, видимо, охарактеризованные ямы относятся, по меньшей мере, к двум эпохам – скифской и славянской. Большинство их, надо полагать, первоначально были зерновыми ямами.

Несмотря на значительную вскрытую раскопками А. А. Спицына площадь городища, им не было обнаружено ни одной трипольской площадки. По всей вероятности, это обстоятельство следует отнести за счет невнимательного производства раскопок, при которых изучение культурного слоя производилось только по стенкам раскопов ("кессонов"). В сохранившихся "корочках" А. А. Спицына на схематических чертежах профилей ям постоянно отмечаются скопление или слой "печины" в нижней части культурного слоя, являющейся, несомненно, ничем иным, как обмазкою полов и стен трипольских сооружений.

Более тщательно были наблюдаемы и зафиксированы жилые ямы. А. А. Спицын насчитал их 11 и все признал "русскими" (ОИАК 1913б: 181). Действительно,

в большинстве из них были найдены славянские черепки, ротационные жернова и другие несомненно поздние вещи. В "корочках" А. А. Спицына сохранились краткие описания некоторых из этих ям. Вот они: "Яма в кессоне № 37, дно на глубине 1,5 м от поверхности почвы. Длина ее около 8 м, ширина от 1,7 до 3,6 м. С северного и южного концов жилья отходят коридоры. Северный шириной 0,6 м, а южный 0,7 м. Глубина северного коридора 1,3 м, а южного 1,4 м. Кровля этого сооружения держалась на 6 столбах, истлевших, но оставивших свои следы в небольших углублениях (0,3 × 0,3 м), которые были обнаружены в насыпи на глубине 1,2 м. Все жилье было заполнено грязным глеем, как и ходы. В нем найдена роговая поделка наподобие стрелы, кусочек железной проволоки, пряслица цилиндрической формы, половина плоской пряслицы в виде кружка и железное огниво" (Спицын 1910: л. 83).

Яма в кессоне № 40 представляет собой жилище с камином и 3 очагами. Ширина и длина ее достигают 3,5 м. Глубина 1,6 м, наполнена грязным глеем. Все дно ямы покрыто большими цельными кусками дубового угля (головешками). Среди них часть небольшой железной пилы. Посредине ямы на небольшом материковом возвышении устроено сооружение, сложенное правильными вертикальными рядами из известняковых и песчаниковых плит и разбитых жерновов без цемента. Сооружение имело вид престола с подножием. На поверхности этого сооружения лежало 3 разбитых жернова, один диаметром в 40 см и два – 48 см, толщиной от 2 до 8 см. Среди каменной кладки – щебень, угли и зола. Там же найдена костяная игла и черепки с вдавленным орнаментом (славянские?). Под каменным сооружением в С-з углу его обнаружен очаг диаметром 0,4 м из пережженного глиняного пласта толщиной в 0,04 м. На дне ямы оказалось всего 3 очага в виде кругов пережженной глины толщиной в 0,04 м (Там же: л. 88, 89).

Из этой ямы на ЮЗ выходил коридор глубиной 1,5 м и шириной в 0,8 м. Здесь в мусоре найдена костяная стрелка и катушка.

Кессоны №№ 44–47. Длина ямы 4,4 м, ширина 4 м. Глубина от поверхности почвы около 1,5 м. Дно не везде ровное,

посредине немного вогнутое. В северном углу печь, сложенная из колотых камней (гранит), разрушенная: камни разбросаны, осталось целым устье. Возле печки большое зольное пятно с большим числом ямочек. С южной стороны в стенке ямы выемка, ровное дно которой на 0,16 м выше дна ямы. Вдоль стенок 5 ямок (от столбов). На дне ямы найден разбитый жернов хорошей работы. Черепки среди камней печки исключительно славянские (Там же: л. 113).

В жилой яме в кессоне № 53 в верхней части засыпки встречены славянские и скифские черепки, преобладают первые. Среди камней внизу найдено много славянских черепков, попадают и скифские (Там же: л. 117).

Найдены данные еще о яме в кессоне № 29. Она также, как и другие, четырехугольная, длиной и шириной несколько более 3,5 м и глубиной в 1 м. На дне посередине ее обнаружен очаг, сложенный из ряда мелких камней. Под ним слой обожженной глины и золы в небольшом углублении. Другой такой же очаг в одном из углов ямы. Другим своим углом эта яма пересекает коридор, обнаруженный на протяжении около 4 м и ведущий в другую жилую яму, находящуюся в пределах соседнего кессона. Ширина коридора от 0,8 до 1,2 м, а глубина 1,7 м. Он глубже ямы в кессоне № 29 на 0,4 м, что и дало повод А. А. Спицыну признать яму более поздней, чем коридор. Вместе с тем известно, что в яме, в которую ведет коридор, находилась славянская керамика (Там же: л. 115).

Других сведений о результатах раскопок А. А. Спицына в нашем распоряжении нет. Имеющиеся данные, как можно видеть из приведенного, не отличаются полнотой. Тем не менее, все открытые в "Замчиске" землянки следует признать за славянские. В самом деле, в одних из них встречена славянская керамика, в других – ротационные славянские жернова, в третьих – и то и другое вместе. Соединение отдельных жилищ переходами (коридорами) также представляет собой черту, широко известную для славянских полуземлянок (Боршевское городище и др.).

В резком противоречии с этим заключением находятся результаты наших наблюдений над частью землянки, откры-

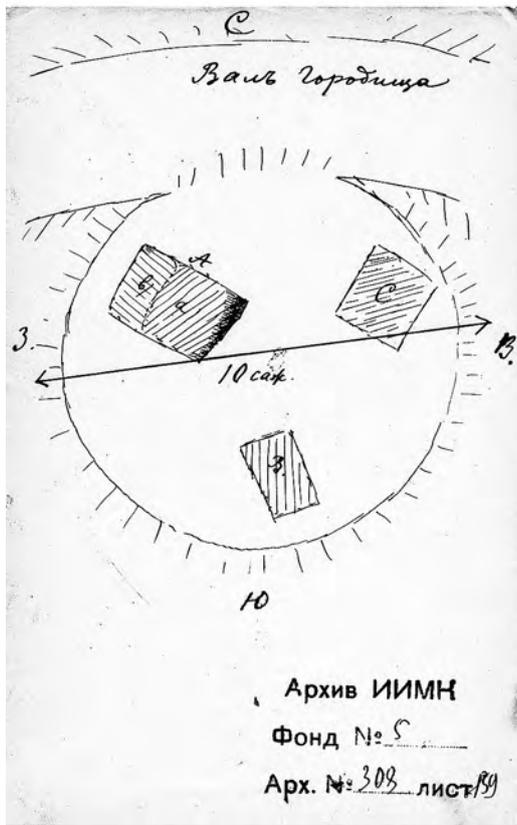
той под полою курганообразной насыпи. Своим устройством, глубиной, видом очага она не отличается от жилищ, раскопанных А. А. Спицыным, и вместе с тем не содержит решительно никаких указаний на славянскую принадлежность. Все ее заполнение, включая черепки, втопанные в пол, относится к скифскому периоду. Само собою разумеется, что одна находка против одиннадцати значит очень немного. Тем не менее, было бы преждевременно признать, что все землянки на "Замчиске" славянские и что скифское время не знало этого типа жилого сооружения, иначе говоря, что в этом периоде жилища здесь были только наземные.

О том, что в скифское время были распространены наземные жилища, известно по материалам Шарповского городища. Однако есть данные, свидетельствующие о сооружении в этот период и полуземлянок. Никаких следов скифских наземных сооружений в "Замчиске" не обнаружено. Правда, при раскопках А. А. Спицына в культурном слое городища были встречены очаги, сложенные из камней, но один из них частично приходился над землянкой (в кессоне № 53), из чего следует заключить, что эти очаги могут относиться к самому последнему периоду в жизни городища, т. е. к славянскому.

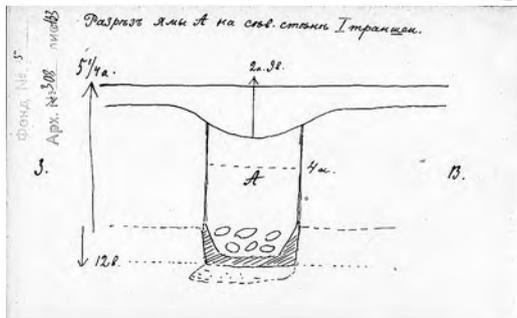
При наших исследованиях в северо-восточной части городища одним из шурфов на глубине 0,75 м, т. е. на материке, была открыта часть пола из утрамбованной глины с мелкими угольками и золой толщиной в 0,1 м. Это была часть какого-то наземного сооружения. На полу в рабочем положении лежали ротационные жернова диаметром в 0,46 м. Верхний жернов с отверстием в середине имел в толщину 11 см, нижний – 10 см. Найденные в этом месте черепки керамики исключительно славянские.

Недалеко отсюда, ближе к восточному краю городища, на месте расплывшегося вала, на глубине 0,45 м был обнаружен слой красной сильно пережженной глины (отшлаковавшиеся глыбы и мелкие комки), вклинивавшийся внутрь городища и частично покрывающий площадь, не подвергающуюся действию очага. На этой площади в материке обнаружена яма с закругленным дном, такая

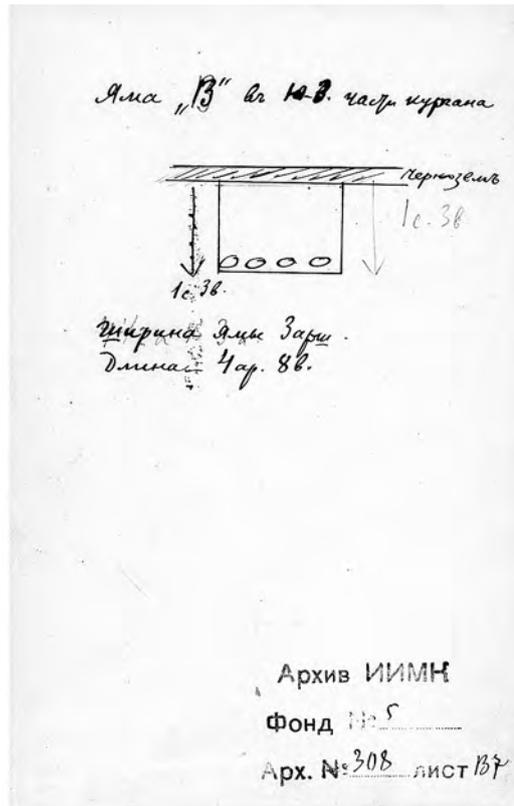
же, в каких и в настоящее время приготавливают глину для обмазки хат. Вся она была засыпана жженной глиной, толщина слоя которой достигала 0,9 м. В ней иногда встречались скопления мелких угольков и мелкие не пережженные фрагменты скифской керамики. Совершенно ясно, что этот слой находился на месте вала и расплзся внутрь городища. Валу из обожженной глины известны и по другим находкам. И в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с частью вала» (Артамонов 1998: 64–72).

1

2

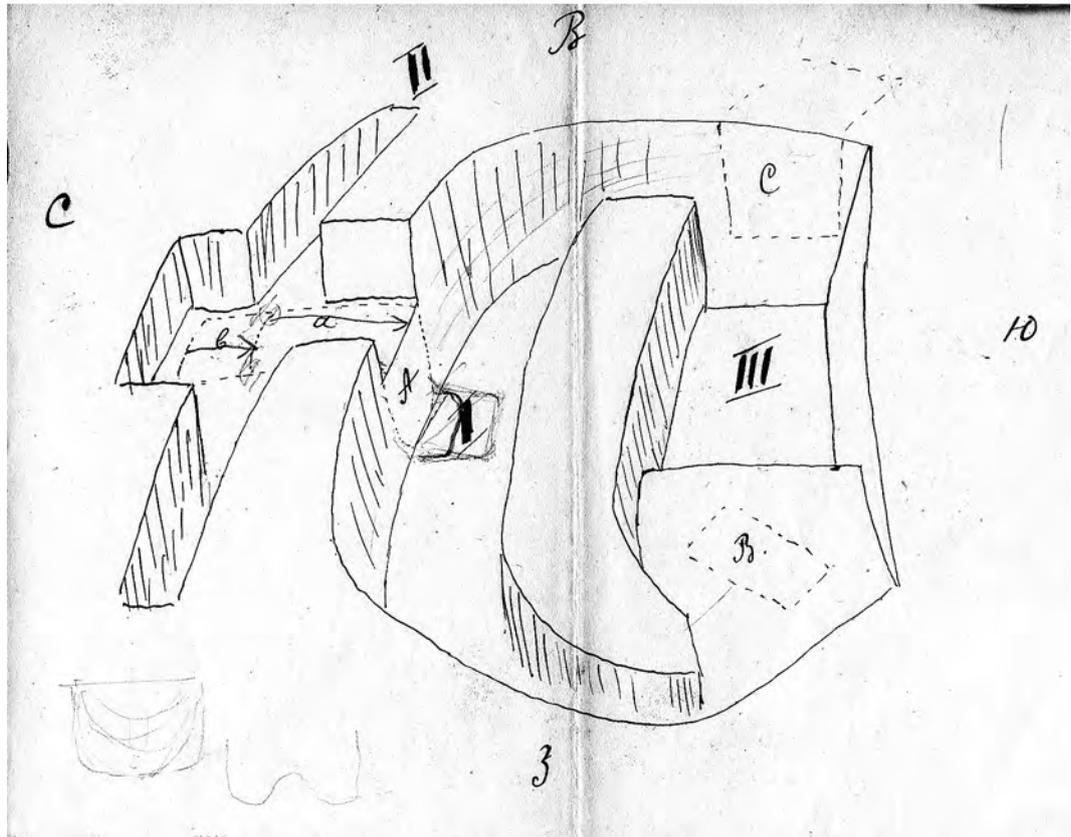
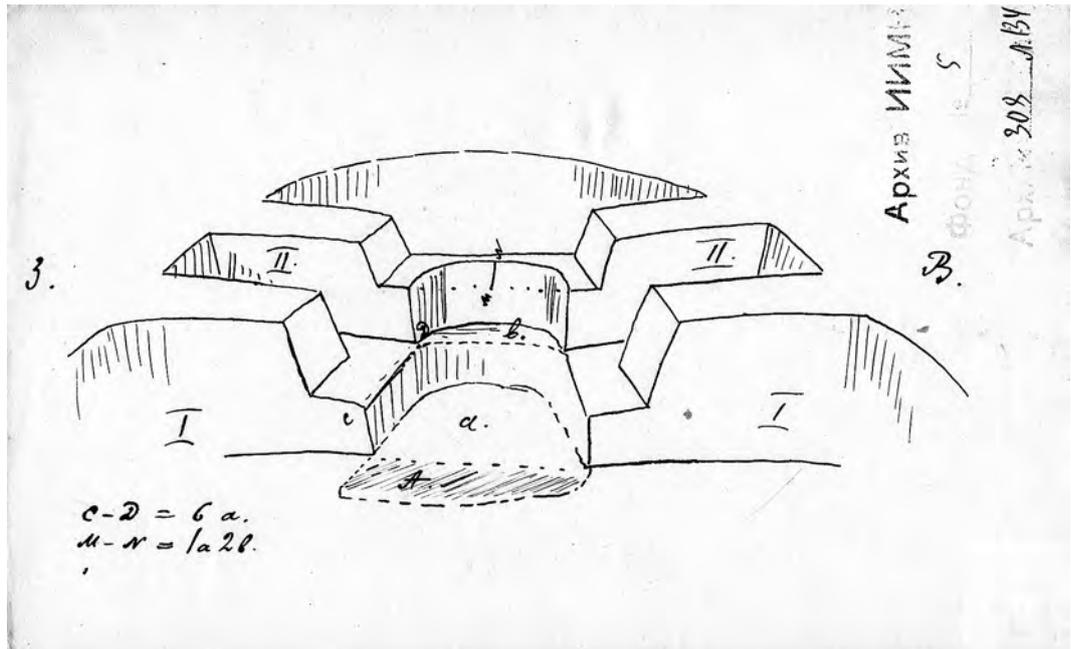
3

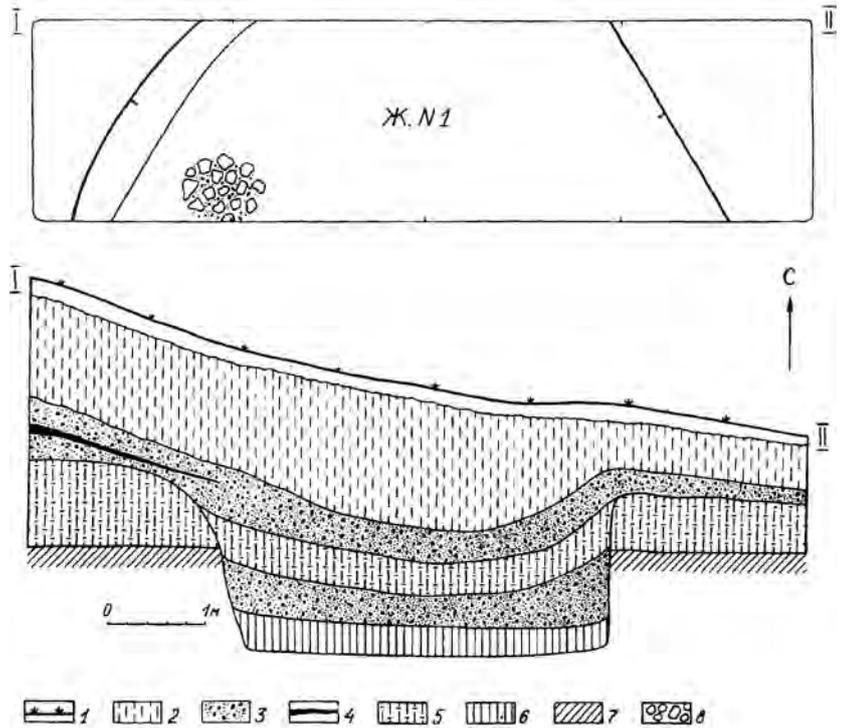
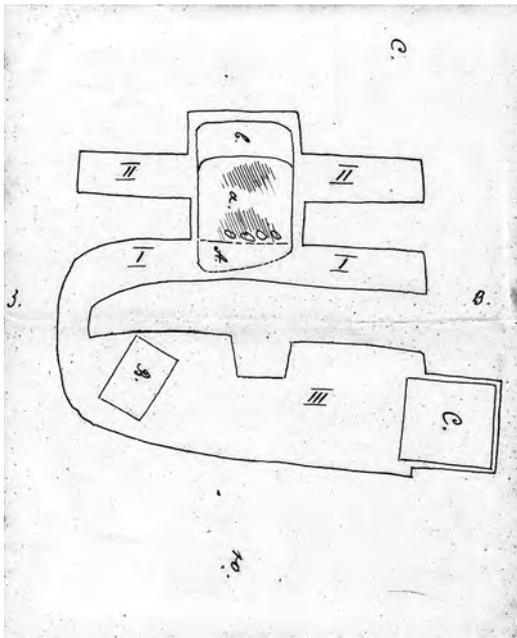

4

Рис. 51. «Корочки»
А. А. Спицына
по Немировскому
городищу.
1 — схема «зольника»
с грабительскими
ямами; 2–4 — разрезы
грабительских ям (НА
ИИМК РАН, РО, ф. 5,
д. 308, л. 133, 137–139;
публикуется впервые)

Рис. 52. «Корочки»
А. А. Спицына
по Немировскому
городищу.
Аксонетрическая
реконструкция раскопа
1910 г. на «зольнике»,
вид с юга (НА ИИМК РАН,
РО, ф. 5, д. 308,
л. 134, 135;
публикуется впервые)

Наблюдения, размышления и выводы М. И. Артамонова относительно раскопок А. А. Спицына остаются в силе и сегодня. Здесь проиллюстрируем лишь несколько оригинальных страниц из «корочек», посвященных описанию жилой ямы I в кессоне 37 («русская», по Спицыну; славянская, по Артамонову) (рис. 55), а также систематизации раскопанных ям по форме, размерам и характеру заполнения (рис. 56).

Архив Юго-Подольской экспедиции состоит из полевого отчета М. И. Артамонова о результатах раскопок этой экспедиции в 1946 г., находящегося вместе с подробным дневником сотрудника ИИМК А. С. Бобровой в научном архиве ИА НАН Украины в Киеве (Артамонов 1946в), и раскопочной документации 1947–1948 гг. — дневников и полевых чертежей, переданных М. И. Артамоновым в начале 1970-х гг. в ОАВЕС ГЭ. Полевой отчет 1946 г. в Киеве соответствует имеющейся в ГЭ черновой рукописи М. И. Артамонова «Археологические памятники Южной Подольи (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1946 г.)», без иллюстраций. Она была подготовлена после первого полевого сезона работ Юго-Подольской экспедиции, носивших преимущественно разведочный характер. Приходится сожалеть о том, что М. И. Ар-

тамонов ее не дополнил в свете последующих изысканий на Немировском городище, проводившихся в 1947–1948 гг.

Как писала Г. И. Смирнова:

«Судя по незаконченной схеме 1947 г., О. А. Артамонова пыталась совместить сделанную рукой А. А. Спицына схему зольного холма и заложенных на нем в 1910 г. траншей с контурами зольника в размерах 1946 г. и раскопами 1946–1947 гг. [...] Но поскольку во время раскопок не удалось получить точных привязок к старым раскопам на зольнике, это совмещение, в определенной степени, является приблизительным» (Смирнова 1998а: 81).

Отметим, что эти планы, на которых совмещены дореволюционные раскопки и раскопки 1946–1948 гг., были сделаны: на одном сведены раскопы на «зольнике» (рис. 57), на втором — сведены раскопы 1909 г., 1910 г. и 1946–1948 гг. (рис. 58).

Полевые отчеты о самых важных раскопках 1947–1948 гг. не были составлены, поэтому приходится пользоваться оставшимися дневниками и другой полевой документацией (рис. 59). Углубленное знакомство с этими архивными материалами было затруднено многими факторами, начиная

Рис. 53. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу. Схема траншей на «зольнике» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 136; публикуется впервые)

Рис. 54. Немировское городище, план и разрез части жилища (№ 1, раскопки 1946 г.). Условные обозначения: 1 — пашня; 2 — культурный слой; 3 — слой с золой, углем и культурными включениями; 4 — уголь; 5 — слой глины с включениями керамики, костей животных; 6 — плотная глина с включениями; 7 — материк; 8 — камни (по Артамонов 1998: рис. 4)

Рис. 55. «Корочки»
А. А. Спицына
по Немировскому
городищу.
Описание жилой ямы I
в к. 37 (НА ИИМК РАН,
РО, ф. 5, д. 308, л. 83;
публикуется впервые)

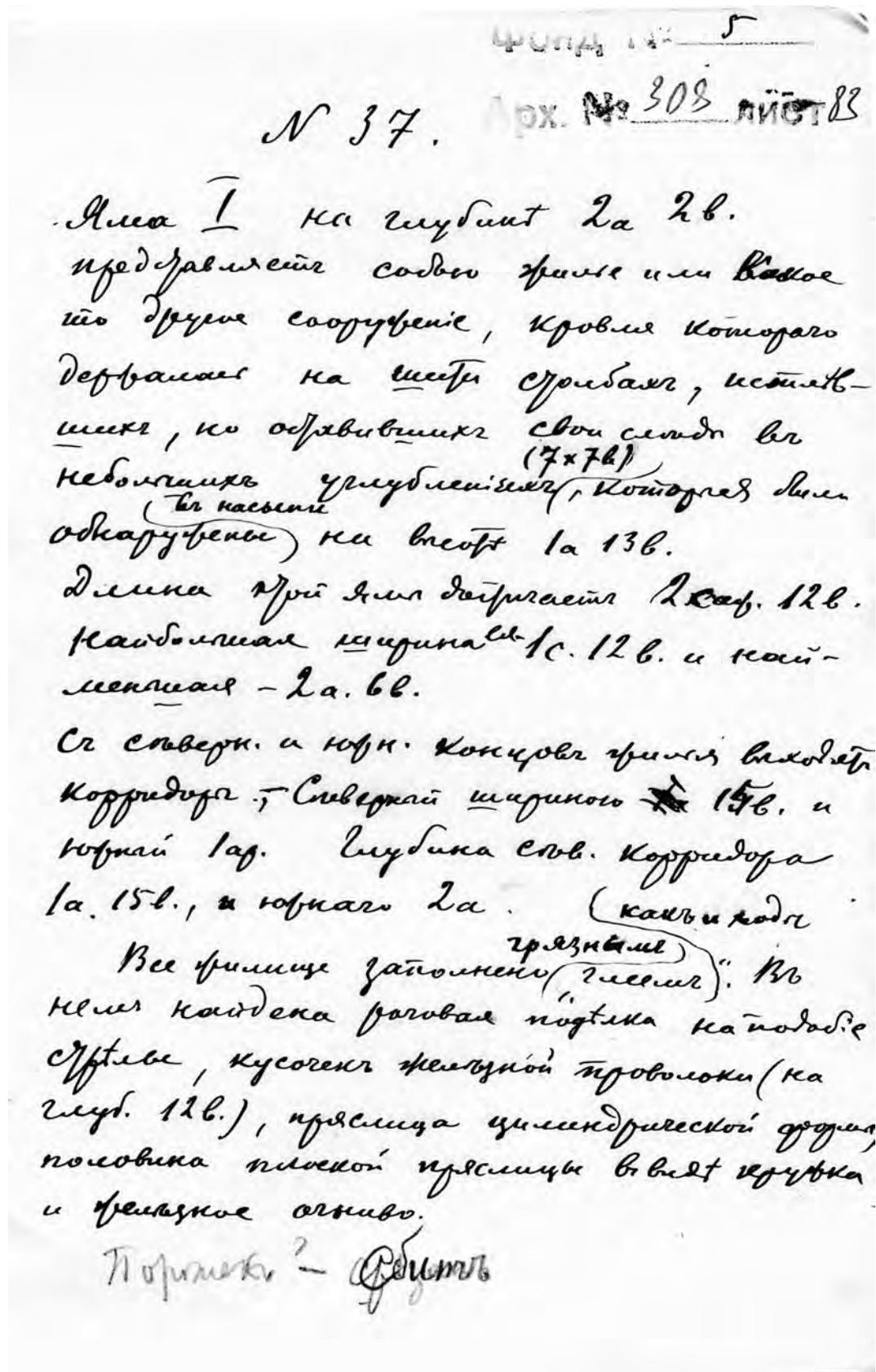

Рис. 59. Немировское городище. Полевая документация Юго-Подольской экспедиции 1947–1948 гг. (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые)

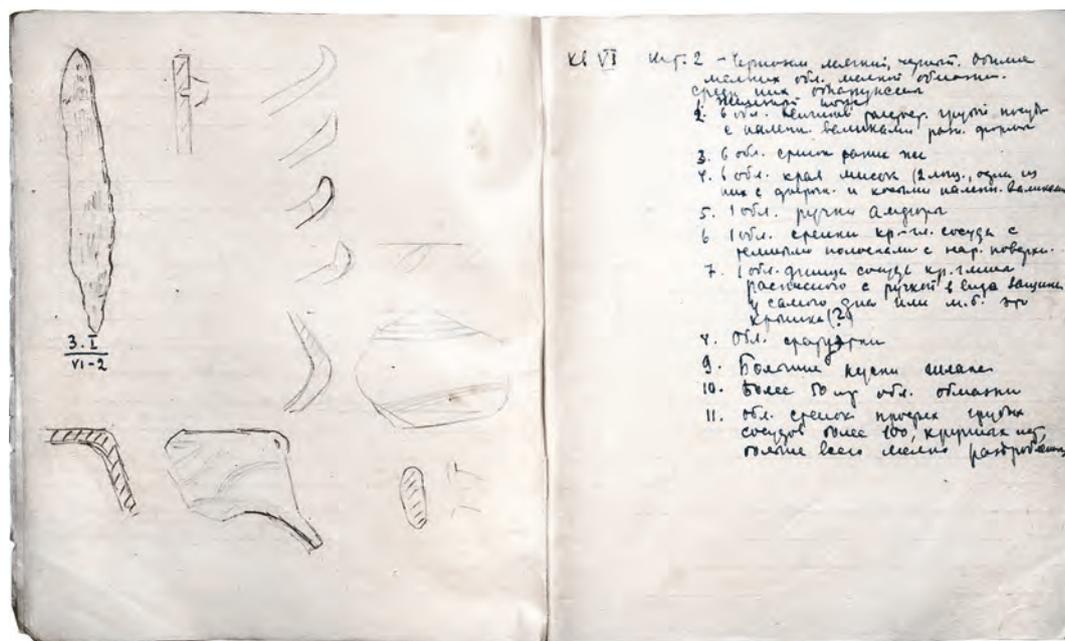
с почти полного отсутствия обобщающих дневников по определенным участкам и заканчивая плохой фиксацией процесса раскопок в сохранившихся записях, сводящейся, преимущественно, к регистрации находок по квадратам и глубинам с характеристикой культурного слоя (рис. 60; 61). В ряде случаев в дневниковых записях, от давности ставших трудно читаемыми, встречаются чистые страницы, «соответствующие» пропущенным дням раскопок, к описанию которых почему-то не вернулись. Уместно напомнить, что единая нумерация грунтовых строений и ям отсутствует, они обозначаются только по увязке их с обозначениями квадратов. Принятая при раскопках городища система нумерации квадратов цифрами в сочетании с латинскими и греческими буквами привела местами к искажениям при написании на чертежах и в полевой описи. В результате этого возникают ошибки в записях

о местонахождении ям и найденного там материала.

Не лучше обстоят дела и с полевой графической документацией, большей частью не доведенной до чистового вида. Это больших и малых размеров чертежи и схемы, выполненные на миллиметровке или гладких листах с нанесенной сеткой раскопа. Одни из них осуществлены простым карандашом, другие — цветными (см. рис. 61). Большинство раскопанных объектов нанесено на планы, но нередко без названия и легенды условных обозначений.

Для восстановления и дешифровки графического материала приходилось сопоставлять скудные дневниковые данные с черновыми планами и разрезами, сверяя с дневниковыми записями по глубинам и уточняя в полевой описи пометки о местонахождении тех или других объектов и самих находок. Авторы провели в прямом смысле слова «следственную» работу.

Рис. 60. Немировское городище. Полевая документация Юго-Подольской экспедиции 1947 г. Разворот дневника № 3: Немирово, 1947, 31, траншея, кв. I-XVI (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые)

Среди сохранившихся архивных материалов Юго-Подольской экспедиции Г. И. Смирновой удалось найти несколько разрезов бортов раскопа, а также один план (рис. 62–64). Однако мы не можем их использовать в должной мере из-за состояния полевой документации. Судя по этим разрезам и планам, культурный слой памятника сильно насыщен различными сооружениями. Лишь в нескольких случаях материалы раннего железного века были соотнесены с комплексами (см. гл. 4).

В целом состояние первичной полевой документации при отсутствии научных полевых отчетов за 1947–1948 гг., было принято нами как данность.

2.4. Культурно-хронологические горизонты

В процессе первых археологических исследований Немировского городища в 1909 г. С. С. Гамченко выявил, что на территории памятника встречаются материалы нескольких эпох. В следующем, 1910 г. А. А. Спицын уточнил количество древних поселений во внутреннем укреплении этой крепости, называемом «Замчиско». Вот как об этом написал М. И. Артамонов:

«Таким образом, в Немировском городище представлены три культурно-хронологических периода: трипольский, скифский и славянский. А. А. Спицын

выделяет в составе керамики этого городища очень небольшую группу черепков латенского типа (тонких, серых, отличной работы и черных, блестящих, с пояском из косых граней) (Спицын 1911: 161). Нам подобного рода керамика не встретилась и надо думать, что если культура типа «полей погребений» действительно была представлена на городище, то очень слабо и невыразительно. Наибольшее количество остатков здесь относится к трипольскому и скифскому периодам» (Артамонов 1998: 74).

Далее в 1946–1948 гг. сложившиеся представления о существовании на городище нескольких разнокультурных поселений, относящихся к трипольской, скифской и древнерусской культурам, были подтверждены раскопками М. И. Артамонова.

Все исследователи придерживались единого мнения о том, что оборонительные сооружения Немировского городища были возведены в скифское время.

В процессе обработки коллекции варварской керамики из фондов ОАВЕС ГЭ в 1990-е гг. Г. И. Смирнова на материалах раскопок 1948 г. выделила небольшую коллекцию предскифского времени, которую она отнесла к позднечернолесской культуре.

На основе анализа трех грунтовых погребений и находок из них, раскопанных на Немировском городище в 1909 г. С. С. Гамченко, она также поставила вопрос о суще-

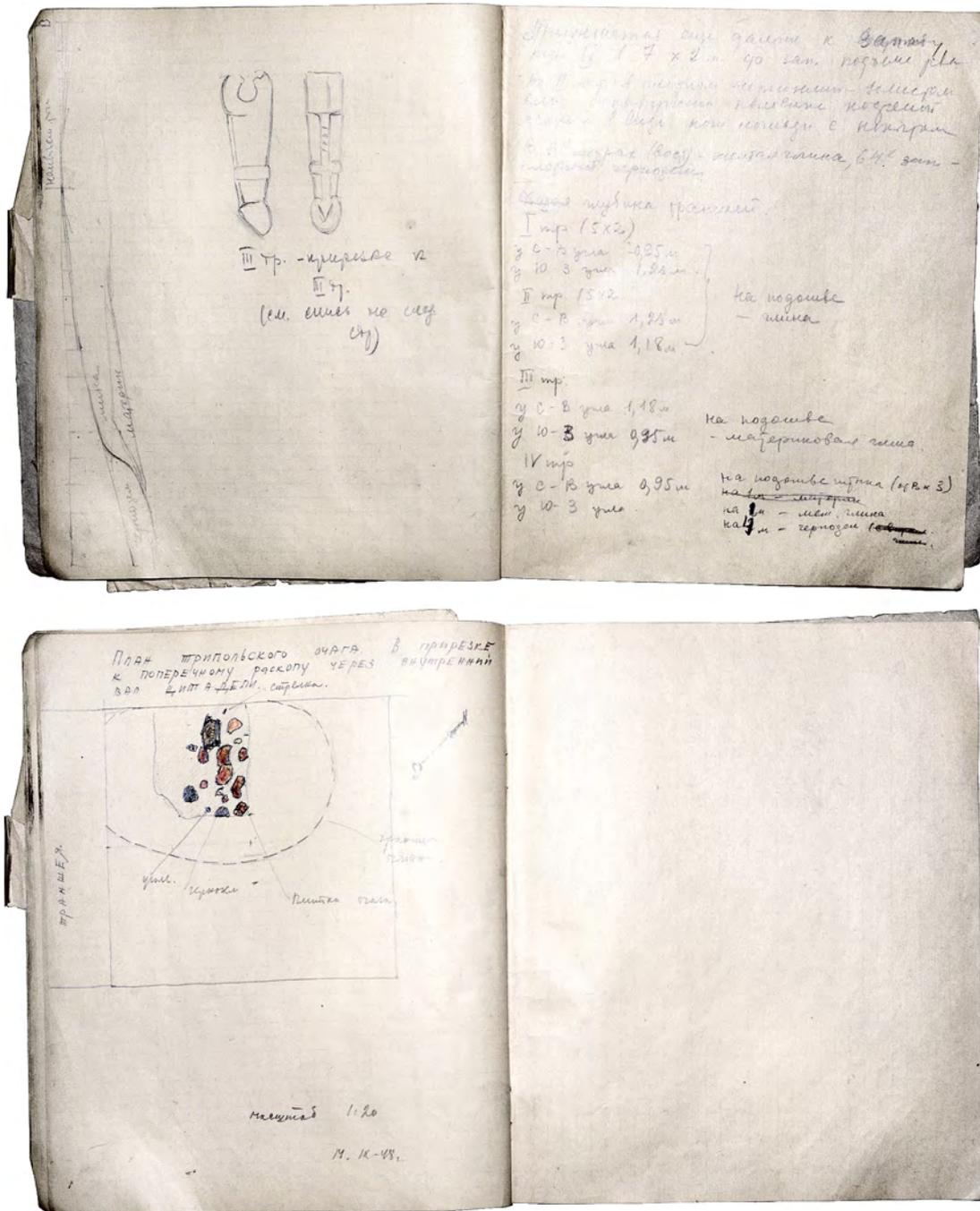

Рис. 61. Немировское городище. Полевая документация Юго-Подольской экспедиции 1947 г. Разворот дневника № 7: Раскоп II у вала. «Большие валы» у с. Немирово. Юго-Подольская экспедиция (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые)

ствовании на памятнике материалов римского времени (см. Приложение 9).

Архивные материалы и коллекции находок из раскопок 1909–1910 гг. также показывают, что городище было заселено в новое и новейшее время.

Таким образом, на территории городища Немиров существовали поселения и могильники нескольких исторических эпох: энеолит (трипольская культура), ранний железный век («позднее Чернолесье», по терминологии Г. И. Смирновой; скифская лесостепная культура; черняховская культура), средневе-

ковье (древнерусская культура). Имеются также материалы, сопоставимые с керамикой латенских культур, как и материалы нового и новейшего времени.

2.5. О методике работы с материалами

О состоянии полевой документации всех заметных исследователей Немировского городища — С. С. Гамченко, А. А. Спицына, М. И. Артамонова, которое оставило мало надежд на получение более-менее значимой

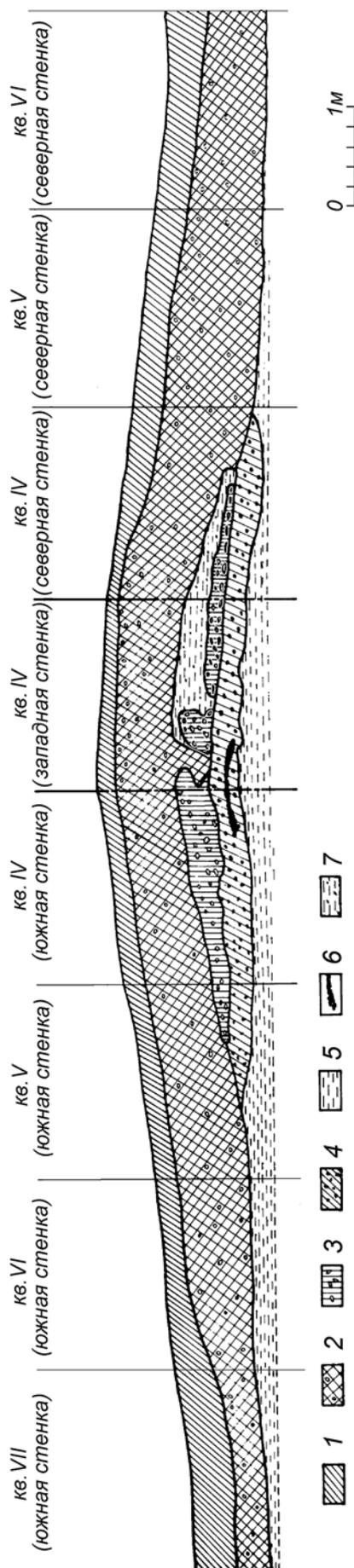

Рис. 62. Немировское городище, полевая документация Юго-Подольской экспедиции. План борта раскопа по линии квадратов IV–VII (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

информации, неоднократно упоминалось на страницах этой книги. Справедливости ради отметим, что все работы были проведены ими на методическом уровне, который в целом соответствовал, а в чем-то и опережал текущее состояние методики археологической науки.

Отчет С. С. Гамченко можно отнести к качественной и профессиональной работе своего времени. Именно с таких позиций его оценивают наши современники:

«Действительно, именно в конце XIX в. начинаются систематические разведки по методике, близкой к современной — с подробным описанием местности в поисках массового подъемного материала с последующей топографической привязкой. Одним из первых к таким работам в Северо-Западном Причерноморье приобщился С. С. Гамченко. Будучи по профессии военным топографом, он уделял особое внимание профессиональной фиксации обнаруженных достопримечательностей, описанию их, геоморфологической позиции и составлению их топографических планов. Привязки С. С. Гамченко были много точнее более поздних приемов топографической локализации пунктов археологических находок вплоть до конца XX ст., поскольку он использовал точные направления в градусах (азимуты) от хорошо определенных ориентиров (Гамченко 1909)» (Киосак 2011: 172).

В этом отчете находим план центрального укрепления с указанием мест его раскопок (см. рис. 49). В тексте имеется достаточно развернутое описание находок, он сопровождается несколькими папками с таблицами материалов (фотографии) (см. гл. 4).

«Корочки» А. А. Спицына под названием «Немиров. Ямы» (см. рис. 22–25; 50–53) составляют более 100 листов с описанием ям, жилых сооружений, коридоров, очагов и пр. Даны размеры, конструктивные элементы («яма с козырьком»), заполнение, а кое-где и содержимое комплексов (см. рис. 23; 24; 55). Исследователь составил и сводный план своих раскопок (см. рис. 52; 53). Однако характеристику материалов в своей известной статье 1911 г. он дал без единого рисунка самих предметов.

Можно также считать, что методика полевых работ сотрудников Юго-Подольской

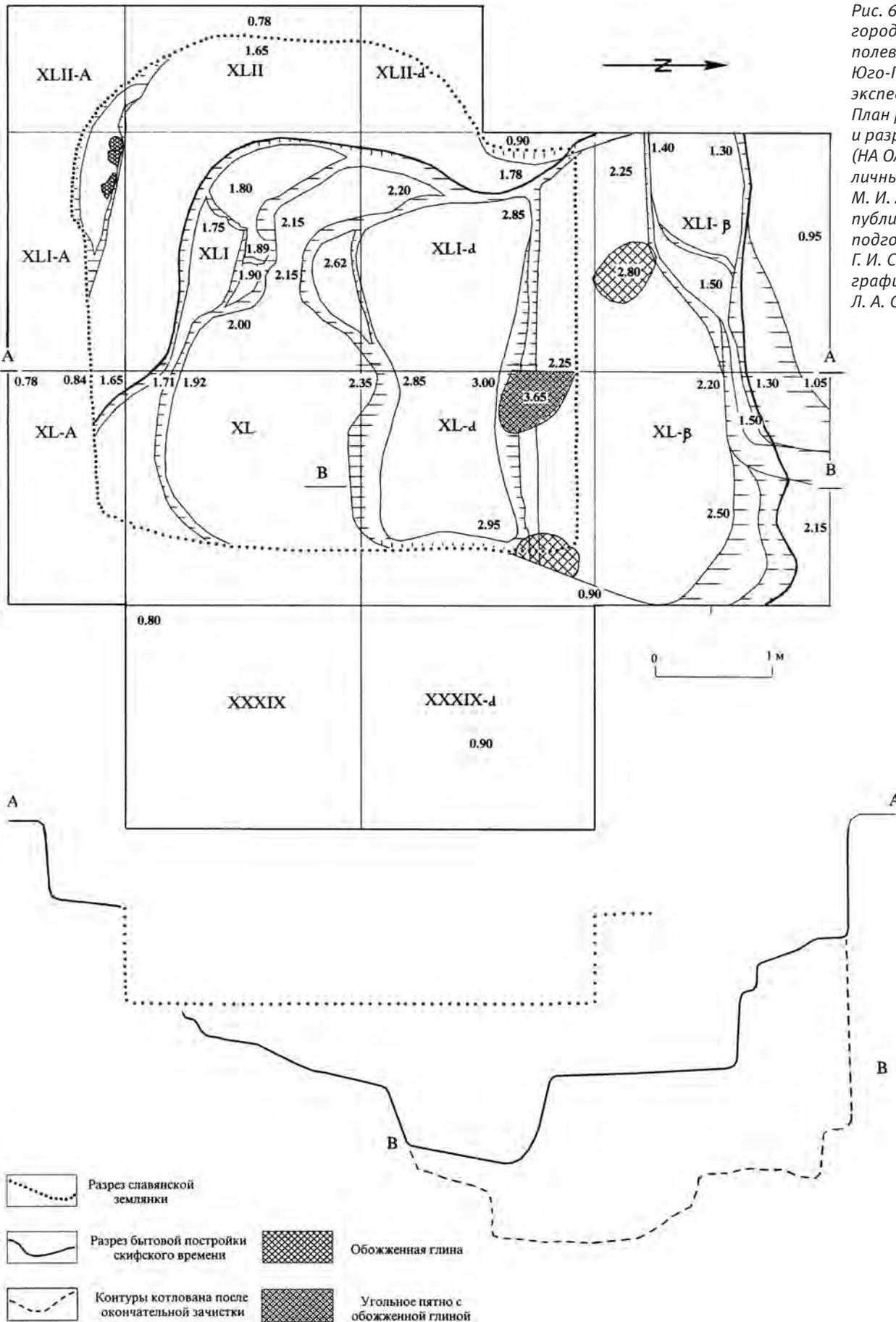

Рис. 63. Немировское городище, полевая документация Юго-Подольской экспедиции. План раскопа 3-IV и разрез по линии А-Б (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

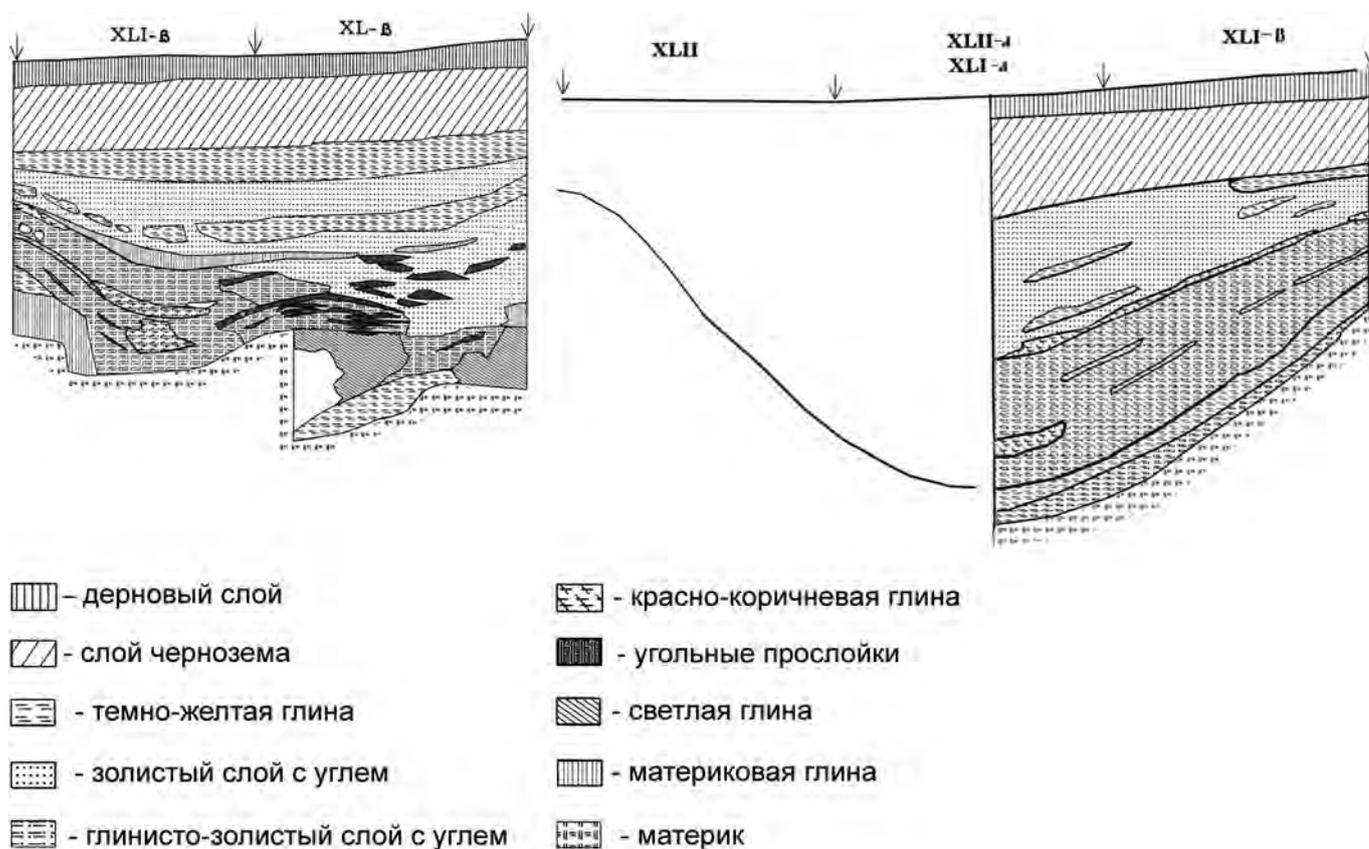

Рис. 64. Немировское городище, полевая документация Юго-Подольской экспедиции. 1 — разрез северной стены раскопа по линии квадратов XLI β –XL β ; 2 — разрез западной стены раскопа по линии квадратов XLII α –XLI α (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

экспедиции 1946–1948 гг. в целом соответствовала методическим требованиям того времени. В полевых дневниках мы находим подробное описание находок из квадратов и по слоям (штыкам), зарисовки изделий, планы сооружений, эскизы деталей и пр., имеются и полевые описи находок. Чертежники делали планы сооружений и раскопов (см. рис. 61–64). Единственное, что по неизвестным и неясным причинам имеющиеся данные из полевых дневников не были сведены воедино и не были соотнесены с полученными материалами и чертежами. Не исключено, что одной из основных причин могла быть сложная стратиграфия памятника, когда в одних сооружениях (полузакрытых комплексах) встречались материалы нескольких разных исторических эпох.

Принимая во внимание все эти обстоятельства (см. Кашуба, Вахтина 2015: 37–41), культурно-исторический подход был принят как основной при работе с коллекцией. В этом случае археологические материалы Немировского городища энеолита и раннего железного века рассматриваются как культурно-историческое явление. Соответственно,

к ним применимы традиционные методы археологической науки. Фактическое отсутствие данных по стратиграфии памятника и сильное разрушение самого раннего энеолитического слоя повлияли на классификацию керамики. Соответственно, для трипольской и местной раннескифской посуды предложены общие схемы их классификаций, без дробного деления на подтипы и варианты. Это было продиктовано и материалом, вернее, его состоянием: во избежание субъективности было принято решение не углубляться в так называемое техническое сопровождение. Тем не менее, подготовлены каталоги индивидуальных находок трипольской культуры (см. Приложения 2–5), каталог греческой архаической керамики (см. Приложение 6) и проведен ряд анализов (см. Приложения 1, 7 и 8). В настоящую книгу не включен каталог лепной керамики и индивидуальных находок раннего железного века, насчитывающих несколько тысяч единиц хранения.

Культурно-исторический подход к материалам, зачастую лишенным археологических контекстов, видится одним из основных в «архивно-фондовой» археологии.